

Подъ именемъ просвѣщенія авторъ разумѣетъ собственно литературу. Такъ какъ литература XV—XVI в.в. была весьма обильна по количеству произведеній и разнообразна качественно, то авторъ характеризуетъ ее на примѣрѣ выдающихся ея представителей и примѣнительно къ тѣмъ главнымъ вопросамъ времени, около которыхъ она вращалась. Вся вторая часть сочиненія состоитъ изъ четырехъ главъ.

Въ *главѣ первой* (стр. 273—317) авторъ, высказавъ свой взглядъ на то, въ какомъ смыслѣ московская Русь XV—XVI в.в. можетъ быть названа темною, затѣмъ характеризуетъ господствовавшее тогда въ религіозно—умственной жизни нашего общества крайне формальное и обрядовое направленіе. Конецъ главы занятъ характеристикой преп. Іосифа Волоцкаго, какъ лучшаго и самаго типичнаго выразителя подобнаго направленія, а также и преп. Нила Сорскаго, какъ инока, писателя и общественнаго дѣятеля въ направленіи, совершенно противоположномъ іосифлянскому.

Въ *главѣ второй* (стр. 317—358) обозрѣвается литература XV—XVI в.в. по вопросу объ отношеніи къ еретикамъ, при чемъ характеризуются взгляды новгородскаго архіепископа Геннадія, преп. Іосифа Волоцкаго, преп. Нила Сорскаго, Вассіана Патрикѣева и м. Даниїла.

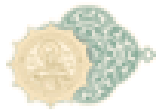
Въ *главѣ третьей* (стр. 359—440) изслѣдуется литература XV—XVI в. в. по вопросу о правѣ монастырей владѣть вотчинами, при чемъ излагаются взгляды преп. Нила Сорскаго, Вассіана Патрикѣева, Максима Грека, преп. Іосифа Волоцкаго и м. Даниїла, а *глава четвертая* (стр. 441—480) посвящена спеціальному обзору литературной дѣятельности м. Макарія, который собралъ и объединилъ все то, что было сдѣлано до него.

Таково содержаніе диссертациі студента И. Волошина. Сочиненіе его не свободно отъ недостатковъ. Въ немъ есть сужденія и положенія или невѣрныя, или же недостаточно обоснованныя. Нельзя, напр., признать справедливою мысль ав-
Журналы.

тора о томъ, что попытки московскаго правительства въ XV—XVI в. в. завести постоянныя государственныя училища окончились неудачно потому, что духовенство того времени было малообразовано. Но какъ же духовенство могло быть образованнымъ, если не было школъ? Не можетъ быть признана вполне доказанною и та мысль его, что полный курсъ обученія въ школахъ московской Руси XV—XVI в.в. исчерпывался, будто бы, обученіемъ школьниковъ только чтенію, письму и пѣнію. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ училищахъ тогда изучалась грамматика и другіе предметы, можетъ быть, даже арифметика. Не только въ XVI в., но даже и во второй половинѣ XV в. въ Москвѣ простая грамотность всемъ мѣло цѣнилась. Находящееся въ началѣ первой главы второй части сочиненія сопоставленіе московской Руси XV—XVI в.в. съ современною ей Западною Европою въ отношеніи образованности должно быть признано во всѣхъ отношеніяхъ неудачнымъ. Для цѣлей автора гораздо естественнѣе и плодотворнѣе было бы сравнить въ этомъ отношеніи московскую Русь XV—XVI в.в. съ тогочасовременною Византією. Взглядъ автора на характеръ и значеніе обряда въ церковно—богослужебной жизни (стр. 288 и слѣд.) не можетъ быть признанъ правильнымъ и хорошо продуманнымъ.

Изложеніе диссертациі также не свободно отъ недостатковъ. Въ сочиненіи встрѣчаются неудачныя выраженія (стр. 3, 10, 11, 76, 133, 134, 197, 235, 240, 241, 253, 273, 279, 283, 303, 305, 309, 311, 315, 316, 319, 321, 325, 350, 351, 358, 366, 368, 377, 378, 390 прим., 401, 406, 409, 433 и 435), повторенія (стр. 103, 295, 304, 433), тавтологія (176, 201, 257), грамматическіе промахи (стр. 52, 53, 152, 171, 192), противорѣчія (стр. 56 ср. 58, 142, 340), описки (стр. 150 прим., 287), преувеличенія (стр. 164, 363), идіотизмы (стр. 243, 251, 342, 349), искусственныя фразы (стр. 205 прим., 239, 243, 304) и вульгаризмы (стр. 467). Встрѣчаются также по мѣстамъ въ сочиненіи цитаты неумѣлыя (напр., въ текстѣ на стр. 134), или же

замѣчается отсутствіе цитатъ тамъ, гдѣ авторъ заимствуетъ мысли у другихъ (стр. 104, 107 и слѣд., 114 и слѣд.).

Есть въ сочиненіи и нѣчто лишнее. Напр., въ третьей главѣ второй части своего сочиненія авторъ многія страницы (359—372) отводитъ для весьма подробныхъ рѣчей о монастырскомъ вотчинномъ владѣніи въ Россіи съ XI в. до XV в. Въ четвертой главѣ первой части сочиненія, а еще болѣе въ третьей и четвертой главахъ второй части его авторъ очень часто приводитъ длинныя выписки изъ документовъ, составляющія сырой матеріалъ, утомляющія читателя и заслоняющія отъ его вниманія развитіе главныхъ мыслей.

Но при такихъ недочетахъ, естественныхъ въ кандидатской работѣ, диссертация студента И. Волошина обладаетъ и весьма солидными достоинствами. Авторъ весьма много и усердно потрудился надъ изученіемъ весьма обширной и разнообразной литературы предмета. Трактую въ большинствѣ случаевъ о предметахъ, уже извѣстныхъ и разработанныхъ въ литературѣ, авторъ по мѣстамъ обнаруживаетъ и свое собственное творчество. Напр., вторая половина второй главы первой части сочиненія составлена имъ на основаніи самаго внимательнаго и весьма тщательнаго изученія оригинальной житійной литературы и содержитъ въ себѣ не мало цѣнныхъ новыхъ данныхъ по вопросу о школахъ грамотности въ московской Руси XV—XVI в.в. Тоже самое должно сказать и о слѣдующей—третьей главѣ той же части сочиненія. Пользуясь былинными пѣснями и особенно древнерусскими азбуками, которыя весьма обстоятельно и тщательно анализируются, авторъ сообщаетъ здѣсь много новаго и часто весьма интереснаго относительно внѣшней постановки школьнаго дѣла въ московской Руси XV—XVI в.в.

Вообще авторъ съ видимою любовію работалъ надъ своимъ сочиненіемъ. Вездѣ замѣтно усердіе и вниманіе. Сужденія автора большею частію серьезны, самостоятельны и осто-

рожны. Къ мнѣніямъ другихъ онъ относится всегда внимательно и критически.

На основаніи сказаннаго, сочиненіе студента И. Волошина, какъ кандидатская диссертация, можетъ быть признано очень хорошимъ“.

8) Экстраординарнаго профессора С. Песоцкаго о сочиненіи студента *Димитрія Горохова* на тему: „Ученіе буддизма о лицѣ Будды Сакья—Муни и критическій разборъ его“.

„Послѣ увлеченія буддизмомъ въ теченіе послѣднихъ дѣсятилѣтій въ Западной Европѣ и Новомъ Свѣтѣ, весьма естественно, если въ наше время и въ Россіи буддизмъ, по замѣчанію одного знатока его (іеромонаха Гурія) въ рѣчи его въ ученomъ академическомъ собраніи въ Казани, весьма замѣтно поднялъ голову, завелъ свою духовную академію (въ астрах. губ.), открылъ рядъ среднихъ школъ, пропагандируетъ свои религіозно—нравственныя идеи, добивается разрѣшенія строить буддійскіе храмы и т. д. Вотъ почему, не смотря на существующую уже обширную литературу о буддизмѣ, особенно иностранную, появленіе новыхъ работъ въ этой области серьезныхъ и документальныхъ, весьма неизлишне; цѣнно даже стремленіе свести во едино, разобрать и освѣтить писанное о буддизмѣ, такъ какъ объ этой своеобразной религіи писали не только много, но и противорѣчиво. Такого рода критическую работу по буддизму представляетъ собою и изслѣдованіе г. Горохова; оно касается одного только пункта—ученія буддизма о лицѣ Будды Сакья—Муни; но это пунктъ—одинъ изъ самыхъ существенныхъ въ буддизмѣ, а съ другой стороны—пунктъ сравнительно менѣе всего обслѣдованный въ ученой литературѣ именно съ *критической* точки зрѣнія; такъ что сочиненіе г. Горохова не лишено и извѣстной самостоятельности въ изслѣдованіи своего предмета.

Сочиненіе это очень объемистое (XLIV + 490 + 629 страницъ), состоитъ изъ предисловія и двухъ частей. Въ обшир

номъ предисловіи авторъ говоритъ о распространеніи буддизма въ Европѣ (то въ чистомъ видѣ, то въ замаскированномъ, подъ разными названіями всякаго рода обществъ и союзовъ), излагаетъ причины этого явленія, намѣчаетъ значеніе въ этомъ увлеченіи личности Будды или, правильнѣе, того ореола, какимъ онъ увѣнчивается въ буддійскихъ религіозныхъ памятникахъ, какъ предвѣчное божество, какъ искупитель, какъ основатель универсальной религіи,—указываетъ рамки и планъ своего изслѣдованія. Первая часть въ шести главахъ подробно и обстоятельно представляетъ намъ личность Будды; частице—здѣсь идетъ рѣчь объ условіяхъ, подготовившихъ появленіе Будды Сакья—Муни, какъ религіознаго реформатора въ Индіи, тщательно и подробно изслѣдуется по буддійскимъ письменнымъ памятникамъ вся жизнь Будды отъ его рожденія до смерти, его религіозная проповѣдь, его нравственный обликъ, излагаются условія и обстоятельства его обоготворенія и нынѣшняго почитанія въ разныхъ мѣстахъ распространенія такъ называемаго сѣвернаго и южнаго буддизма. Преимущественный интересъ и цѣнность имѣетъ вторая часть сочиненія, содержащая критическій разборъ буддійскаго ученія о лицѣ Будды Сакья—Муни. Въ этой части восемь главъ: въ первой содержится критическій разборъ исторіи буддійской религіозной письменности и въ частности буддійскихъ біографій Сакья—Муни; во второй—изложеніе и разборъ мнѣній, отрицающихъ историческое существованіе Будды Сакья—Муни; въ третьей—критическое изслѣдованіе легендарныхъ сказаній, сконцентрированныхъ вокругъ исторической личности Будды, со стороны ихъ происхожденія, развитія, содержанія, отношенія къ евангельскимъ повѣствованіямъ и проч.; въ четвертой главѣ—обслѣдованіе чудесъ и пророчествъ, приписываемыхъ Буддѣ, и доказательства ихъ ложности; въ пятой—разборъ взглядовъ на Будду какъ на основателя какой-то *новой*, универсальной религіи; въ шестой—критика ученія буддизма о Буддѣ, какъ *искупителя* челоуѣчества; въ седьмой—критиче-

скій разборъ *нравственнаго* образа самого Будды и его нравственнаго ученія, и въ восьмой—выясненіе явнаго противорѣчія нынѣшняго обоготворенія и почитанія буддистами Сакья—Муни съ основными положеніями его же собственнаго религіознаго ученія, преподаннаго его послѣдователямъ

Какъ видно, авторъ широко раздвинулъ рамки своего изслѣдованія и постарался разобрать ученіе буддистовъ о лицѣ Будды Сакья—Муни съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. И наполнилъ свое изслѣдованіе авторъ очень обильнымъ, цѣннымъ и интереснымъ матеріаломъ. Авторъ—хорошій знатокъ языковъ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, и ознакомился со множествомъ книгъ на этихъ языкахъ, не говоря, разумѣется, о русской литературѣ, тоже не очень бѣдной; все, что авторъ могъ достать въ академической библіотекѣ или на сторонѣ, изъ источниковъ и пособій, проштудировано имъ и использовано для его цѣлей. Обвинять автора въ недочетахъ съ этой, матеріальной стороны я не имѣю права, скорѣе я указалъ бы на *излишества* въ подтвержденіи, въ разъясненіи тѣхъ или иныхъ пунктовъ; но цѣль то этихъ излишествъ добрая: авторъ стремится быть убѣдительнымъ, желаетъ представить читателю свои положенія какъ можно рельефнѣе. Нельзя не отмѣтить, далѣе, удивительной документальности сочиненія: авторъ такъ тщательно документируетъ каждую частность своего предмета, такъ, повидимому, боится быть бездоказательнымъ, что часто даже самыя простыя и несомнѣнныя положенія снабжаетъ рядомъ цитатъ. Иногда это наивно; но для рецензента очевидно, какую большую работу выполнилъ авторъ и какъ внимательно онъ относится къ каждой фразѣ, вынесенной имъ на бумагу. Разумѣется, такая массивная работа, при срочности изготовленія ея, не можетъ быть совершенно чиста отъ всякихъ замѣчаній. И я не замалчиваю, напр., недостаточной отдѣлки сочиненія, не всегда строгой сортировки документальныхъ данныхъ; но это—очень частые недостатки именно обширныхъ, срочныхъ студенческихъ работъ.

И авторъ разсматриваемаго мною сочиненія преимущественное вниманіе свое въ теченіе студенческаго года обратилъ на при-
копленіе матеріала, на расширеніе и разносторонность изслѣ-
дованія предмета. Взглядъ автора на всѣ частности предмета
вездѣ вѣренъ и устойчивъ: изложеніе вполне литературное.
Во всякомъ случаѣ полнота, широта на столько хорошо от-
тѣняютъ и трудолюбіе и серьезность въ отношеніи къ дѣ-
лу автора, что, оцѣнивая сочиненіе г. Горохова какъ канди-
датскую срочную работу, я ставлю для нея высшій баллъ“.

9) Ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова о со-
чиненіи студента *Ивана Граевского* на тему: „Кіевскій митро-
политъ Тимоѳей Щербацкій и Кіевская митрополія—епархія въ
годы его управленія (1748—1757 г.г.).

„Предметомъ кандидатской работы студента И. Граевска-
го служила біографія Кіевского митрополита Тимоѳея Щер-
бацкаго, въ связи съ исторією Кіевской митрополіи—епархіи
въ годы его управленія. Сочиненіе его состоитъ изъ предис-
ловія, четырехъ главъ, заключенія и приложений.

Въ *предисловіи* (стр. 1—XX), послѣ общей краткой харак-
теристики существующихъ въ печатной литературѣ свѣдѣній о
личности и дѣятельности митрополита Тимоѳея Щербацкаго и
послѣ изложенія плана своего сочиненія, авторъ даетъ очень
подробный и обстоятельный очеркъ источниковъ и пособій,
какими онъ пользовался, при чемъ дѣлаетъ и критическую
оцѣнку нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ своихъ пособій.

Въ *главѣ первой* (стр. 1—48) излагаются свѣдѣнія о про-
исхожденіи, образованіи и служеніи Тимоѳея Щербацкаго въ
должностяхъ кафедральнаго писаря Кіевской епархіи, члена
Кіевской консисгоріи, игумена Мгарскаго Лубельскаго и Кіево-
Выдубицкаго монастырей, архимандрита Златоверхо-Михайлов-
скаго монастыря и Кіево-Печерской лавры до назначенія его
кіевскимъ митрополитомъ въ 1747 г.

Глава вторая (стр. 49—102) содержитъ въ себѣ историческій очеркъ состоянія церковной жизни въ лѣвобережной Малороссіи и, въ частности, въ Кіевской епархіи къ половинѣ XVIII в., въ связи съ вопросомъ о положеніи кіевского митрополита и приходскаго духовенства Кіевской епархіи въ это же самое время.

Глава третья, состоящая, въ свою очередь, изъ пяти отдѣловъ (стр. 103—352), посвящена описанію т. н. собственной (русской) части Кіевской епархіи и дѣятельности м. Тимофея Щербацкаго по управленію ею. Архипастырская дѣятельность м. Тимофея Щербацкаго, на общемъ фонѣ современной ему жизни Кіевской епархіи, изображается авторомъ весьма подробно. Здѣсь говорится о границахъ Кіевской епархіи въ русской половинѣ ея, о составѣ ея и органахъ епархіальнаго управленія—центральныхъ и мѣстныхъ, о состояніи церковно-приходской жизни, о монастыряхъ и состояніи ихъ въ различныхъ отношеніяхъ, о приходскихъ школахъ, о Кіевской академіи и заботахъ м. Тимофея Щербацкаго о ней. Глава эта заканчивается трактатомъ о попыткѣ м. Тимофея Щербацкаго завести свою каѳедральную типографію.

Глава четвертая, состоящая, въ свою очередь, изъ двухъ отдѣловъ (стр. 353—452), посвящена описанію заграничной (польской) части Кіевской митрополіи—епархіи со стороны внѣшняго ея положенія и внутренней жизни—и дѣятельности м. Тимофея Щербацкаго по управленію этою частию епархіи.

Въ заключеніи (стр. 453—479) авторъ говоритъ объ обстоятельствахъ и вѣроятныхъ причинахъ перевода м. Тимофея Щербацкаго на московскую каѳедру, о дѣятельности его по управленію Московскою епархіею (кратко) и о кончинѣ, погребеніи (особенномъ) и завѣщаніи его. Сочиненіе заканчивается краткою характеристикою личности м. Тимофея Щербацкаго.

Въ качествѣ *приложеній* къ своему сочиненію (стр. 481—495), авторъ приводитъ 7 документовъ изъ стараго архива

Кіевской духовной консисторіи, очень выразительно характеризующихъ нѣкоторыя мѣста его диссертации, а именно слѣдующіе: 1) *крестовую* грамоту, выданную м. Тимоѣемъ священнику Кіево-Подольской Притиско-Никольской церкви Роману Антоновичу Тищенко; 2) предложеніе м. Тимоѣея духовной консисторіи о порядкѣ веденія дѣлъ въ ней; 3) *инструкцію* м. Тимоѣея экзаменаторамъ ставленниковъ; 4) грамоту м. Тимоѣея священнику Т. Горлянскому на званіе Лохвицкаго протопопа; 5) письмо м. Тимоѣея графинѣ Н. Разумовской; 6) грамоту м. Тимоѣея священнику, выходцу изъ Польши, на право пріисканія себѣ парохіи и 7) грамоту м. Тимоѣея по поводу назначенія іеромонаха Ѳеофана игуменомъ Кіево-Кирилловскаго монастыря.

Таково содержаніе диссертации студента И. Граевскаго. Она даетъ полное и обстоятельное описаніе жизни и архипастырской дѣятельности м. Тимоѣея Щербацкаго. Составлено это описаніе на основаніи не только всей печатной литературы о м. Тимоѣѣ Щербацкомъ, но и обширнаго и разнообразнаго рукописнаго матеріала, усердно собраннаго и тщательно изученнаго авторомъ. Послѣдній пользовался не только вновь обнародованными актами, содержащими въ себѣ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности м. Тимоѣея (Памятниками православія и русской народности въ 3 Россіи въ XVII—XVIII в.в., Актами и документами, относящимися къ исторіи Кіевской академіи, отдѣленіе II и др.), но также и дѣлами стараго архива Кіевской духовной консисторіи, указными книгами этой послѣдней за время управленія м. Тимоѣея Кіевскою епархією, рукописями бібліотеки и музея нашей академіи, въ томъ числѣ, одною указною книгою Роменской протопопіи, собраніемъ указовъ и др. распоряженій м. Тимоѣея Щербацкаго, находящимся въ архивѣ Кіевской Борисоглѣбской церкви. Благодаря всему этому, сочиненіе студента И. Граевскаго содержитъ въ себѣ много новыхъ данныхъ для исторіи Кіевской епархіи и Кіевской академіи времени м.

Тимофее Щербацкаго, а также для біографіи и характеристики этого послѣдняго. Особенный интересъ представляетъ третья глава сочиненія, гдѣ встрѣчаются хорошія, полныя жизни и ночизны, картины изъ бытовой жизни духовенства и приходовъ Кіевской епархіи половины XVIII в. Сочиненіе изложено правильнымъ и почти безукоризненнымъ литературнымъ языкомъ.

Въ качествѣ недостатковъ можно отмѣтить только весьма немногія историческія ошибки (стр. 57 и 357), неточности въ цитаціи (стр. 222, 271, 314), повторенія (стр. 73, 254 ср. 388 и слѣд.) и описки (стр. VIII, 430, 457), или неудачныя (стр. 386), либо неосторожныя выраженія (стр. 360, 385).

Сочиненіе студента М. Граевскаго читается съ большимъ интересомъ. Какъ кандидатская диссертация, оно можетъ быть, по нашему мнѣнію, признано отлично хорошимъ. Кромѣ того, въ виду новизны его содержанія и весьма хорошаго его изложенія, оно можетъ быть рекомендовано для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

10) Экстраординарнаго проф. Н. Маккавейскаго о сочиненіи студента *Петра Грачева* на тему: „Педагогія Л. Н. Толстого въ связи съ общимъ мировоззрѣніемъ его. Критическое изслѣдованіе“.

„Хотя и не вполне оригинальная по своимъ идеямъ, но все же очень смѣлая по замыслу широко осуществить ихъ на практикѣ и очень интересная по своимъ приѣмамъ педагогія Льва Толстого не могла не обратить на себя вниманія уже въ 60-е годы. Естественно, должны были появиться въ нашей литературѣ статьи и замѣтки, посвященныя обсужденію этого „новаго пути“ для рѣшенія стараго какъ міръ вопроса о воспитаніи. Однако, на пространствѣ почти полустолѣтія критическая литература объ этой сторонѣ дѣятельности Толстого весьма незначительна, при чемъ въ ней совершенно нѣтъ опытовъ желательнаго широкаго освѣщенія предмета — на фонѣ

общаго міровоззрѣнія Толстого. Отсюда понятенъ интересъ сочиненія студента П. Грачева, поставившаго для своего изслѣдованія именно такую задачу. При этомъ, такъ какъ свое міровоззрѣніе Толстой „выдаетъ за истинно-христіанское“, то и въ основу своего критическаго анализа, кромѣ общей педагогической точки зрѣнія, нашъ авторъ кладетъ идеи христіанства.

Разсматриваемый трудъ состоитъ изъ „предисловія“ и двухъ частей изслѣдованія—положительной и критической. Въ первой, раздѣляющейся на 7 отдѣльныхъ трактатовъ, мы знакомимся съ педагогическими идеями Т—го и съ исторіею практическихъ педагогическихъ опытовъ его. Исходнымъ пунктомъ всей педагоги Т—го авторъ ставитъ его идеализацію естественныхъ силъ природы. Отсюда—общіе основные тезисы Т—го: совершенство дѣтской природы въ ея естественномъ состояніи и наличность, по терминологіи Т—го, „разумнаго сознанія,—т. е. надежныхъ средствъ и истинныхъ критеріевъ для пониманія смысла жизни и вѣрнаго устроенія ея—только въ простомъ народѣ, въ противоположность интеллигенціи. Отсюда, далѣе, и педагогическіе тезисы Т—го: отрицаніе воспитанія въ обычныхъ формахъ его, семейной, общественной и государственной, какъ насилія, отрицаніе, въ частности, обычнаго религіознаго воспитанія, взглядъ на задачи школы и необходимость замѣнить ее другими образовательными средствами. Всѣ эти идеи Т—го устанавливаются и уясняются путемъ экскурсовъ въ область не педагогическихъ только, но и художественныхъ и религіозно философскихъ произведеній Т—го. Отчасти и въ построеніи всей этой педагогической теоріи Т—го и еще болѣе въ идеѣ широкаго обоснованія и освѣщенія ея нужно признать, до извѣстной степени, оригинальность работы автора и значительную новизну ея. Послѣдній, 7 й трактатъ этой части сочиненія представляется особенно интереснымъ, какъ дающій довольно обстоятельную историческую справку о педагогическихъ опытахъ Т—го въ Ясной Полянѣ съ 1849

года. Однако, удобнѣе было, по моему мнѣнію, помѣстить его не въ концѣ, а въ началѣ этой части сочиненія, такъ какъ естественно ознакомиться сначала съ самымъ генезисомъ интереса Т—го къ вопросамъ воспитанія.

Вторая часть сочиненія, состоящая изъ шести трактатовъ, посвящена критическому анализу и оцѣнкѣ педагогій Т—го. Основная христіанская точка зрѣнія, которой держится, главнымъ образомъ, въ своемъ анализѣ авторъ, приводитъ его къ такимъ положеніямъ. Въ христіанствѣ даны абсолютные идеалы, которыми и должна руководиться педагогія, „религія же самого Т—го не есть христіанская, при чемъ та туманная религіозная философія, которую предлагаетъ Т—ой, будучи несостоятельною по существу, въ то же время не есть вѣра народная, вытекающая изъ его естественнаго міровоззрѣнія; поэтому, предлагая ее, Т—ой противорѣчитъ себѣ, измѣняетъ своей основной идеѣ. Тезисъ Т—го о совершенствѣ природы дѣтей и испорченности взрослыхъ противорѣчитъ христіанскимъ догматамъ грѣхопаденія и искупленія. Внѣшняя видимая природа, простой народъ и дѣти далеки отъ совершенства, приписываемаго имъ Т—мъ; съ другой стороны, міръ взрослыхъ людей и, въ частности, интеллигенціи не такъ безповоротно и безнадежно испорченъ. Поэтому семья и общество, церковь и государство являются естественными необходимыми факторами воспитанія. Заключительный трактатъ касается вопросовъ о необходимости въ воспитательномъ дѣлѣ дисциплины и о причинахъ педагогическаго успѣха въ Яснополянской школѣ.

Эта вторая часть сочиненія представляется менѣе интересною и менѣе удачною, сравнительно съ первою. Христіанскій—критическій анализъ автора проведенъ во многихъ пунктахъ слабо, блѣдно, на почвѣ эlementарныхъ, шаблонныхъ положеній. Полемизировать съ Т—мъ, указывая на его несостоятельность съ точки зрѣнія догматовъ, грѣхопаденія и искупленія, трудъ напрасный и даже наивный.

Разсматривая тезисы Т—го о совершенствѣ природы вообще и дѣтской и простого народа въ частности, авторъ общаетъ основываться на „данныхъ Св. Писанія и науки“ (оглавленія трактатовъ III и IV, стр. 145 и 155),—однако, послѣдній элементъ у него почти совершенно отсутствуетъ; между тѣмъ хотя бы, напр., для уясненія дѣйствительнаго состоянія дѣтской природы естественно было обратиться къ даннымъ современной педагогіи. Помимо этого, нужно было остановиться и на эволюціонномъ характерѣ этики Т—го и на нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ въ воззрѣніяхъ его, прямо или близко соприкасающихся съ его педагогіей. Вообще, не только въ этой части сочиненія, но и во всемъ трудѣ своемъ авторъ какъ бы боится вдаваться въ подробности и часто довольствуется лишь общими положеніями, излагая ихъ при томъ черезчуръ ужъ сжато и блѣдно. Этимъ и объясняется сравнительно небольшой объемъ сочиненія, охватывающаго между тѣмъ довольно обширную программу вопросовъ принципіальнаго характера.

Отмѣчая эти недочеты въ разсматриваемомъ сочиненіи, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу въ немъ и достаточныя данныя для признанія его вполнѣ удовлетворительною кандидатскою диссертацией. Небольшой по объему трудъ студента П. Грачева написанъ послѣ тщательнаго изученія обширнѣйшей литературы: 1) произведеній самого Толстого — художественныхъ, педагогическихъ и религіозно-философскихъ и 2) всего, что издано у насъ о Толстомъ. Индивидуальный характеръ автора и его манера писать невыгодно сказались въ этой своеобразной сжатости его работы, въ недостаточномъ использованіи обширныхъ матеріаловъ. И тѣмъ не менѣе отвѣтъ на вопросъ темы данъ ясный и съ принципіальной стороны довольно полный. Наличие въ сочиненіи этихъ данныхъ я и признаю достаточнымъ основаніемъ для вышеуказанной оцѣнки сочиненія, какъ кандидатской диссертации“.

11) Заслуженного ординарного профессора С. Голубева о сочиненіи студента *Григорія Гринберга* на тему: „Преподобный Максимъ Грекъ и его значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія“.

„Преподобный Максимъ Грекъ, прибывшій къ намъ въ Россію, по выраженію Е. Е. Голубинскаго, „на несчастіе его самого, но для пользы русской церковной исторіи“, представляетъ собою очень крупную историческую величину и потому какъ доселѣ привлекалъ, такъ и впредь будетъ привлекать къ себѣ вниманіе нашихъ изслѣдователей.

Объ этомъ вниманіи свидѣлствуетъ приводимый г. Гринбергомъ длинный перечень пособій, которыми онъ пользовался при своей работѣ. Эти пособия, а также первоисточники (къ которымъ первѣе всего относятся многочисленныя произведенія самого Максима Грека) изучены нашимъ авторомъ тщательно и на основаніи ихъ составленное имъ сочиненіе имѣетъ несомнѣнныя достоинства.

Оно, кромѣ небольшого предисловія, гдѣ намѣчается планъ работы, состоитъ изъ *двухъ*, почти равныхъ по объему, частей, при чемъ каждая изъ нихъ подраздѣляется на главы (каждая часть имѣетъ по четыре главы).

Первая глава первой части посвящена выясненію религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества, современнаго преподобному Максиму. Умѣстность трактатіи объ этомъ авторъ (и совершенно справедливо) мотивируетъ тѣмъ, что „понять и оцѣнить личность и значеніе преп. Максима возможно только при наличности всѣхъ тѣхъ условій, среди которыхъ пришлось жить и дѣйствовать знаменитому святогорцу“. Нельзя, однако, сказать, что эта умѣстная трактатія составлена безукоризненно: она не принадлежитъ къ лучшимъ отдѣламъ сочиненія. Зависѣло это отъ *разнообразія* пособій, которыми г. Гринбергъ пользовался въ данномъ случаѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ ихъ *односторонности*, ускользнувшей отъ вниманія автора.

Разнообразіе пособій приводило иногда автора если не къ прямымъ противорѣчіямъ, то—по крайней мѣрѣ—къ ослабленію

положений, имъ констатируемыхъ. Такъ, напр., на 45 стр. онъ заявляетъ, что въ русскомъ народѣ пьянство пользовалось исключительнымъ положеніемъ; для него не существовало *никакихъ запрещеній въ родѣ постовъ*. Но на той же страницѣ въ подстрочномъ примѣчаніи (3) приводится такая выдержка изъ древняго памятника: „Егда придетъ время питію, тогда всяка пияница возрадуется, а *егда придетъ постъ, тогда оскорбляютъ пияницы*“.

Что касается до *односторонности* пособій, ускользнувшей отъ вниманія автора и потому влиявшей на его упомянутую трактацію, то она заключается въ излишне сгущенныхъ краскахъ при изображеніи религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества въ рассматриваемую эпоху,—краскахъ черныхъ, безъ всякаго просвѣта... У насъ зачастую забываютъ, что и при тяжелыхъ религіозно-нравственныхъ потрясеніяхъ не по одному руслу течетъ народная жизнь: на ряду съ теченіями грязными и загрязняющимися не прекращаются, а иногда, и именно въ такія години, еще болѣе оживляются теченія чистыя, чистоту свою пріобрѣтающія отъ тѣхъ фильтрующихъ слоевъ, которые прочно заложены въ сердцевины святой Руси и которые всегда помогали, можно надѣяться, и впредь будутъ помогать ей въ мрачные дни выходить на предуказанную Промысломъ дорогу.

Во второй главѣ означенной части сообщаются біографическія свѣдѣнія о пр. Максимѣ до прибытія его въ Москву; въ третьей—говорится о появленіи его въ Москвѣ и жизни здѣсь до собора 1525 года; въ четвертой—последняя дальнѣйшая судьба Максима до кончины включительно.

Полагаю, что не было надобности дробить біографію Максима Грека на главы. Но это сторона формальная, существеннаго значенія не имѣющая. Что же касается содержанія означенныхъ главъ, то оно отличается полнотою и обстоятельностью. Авторомъ обращено вниманіе на все существенное.

Умѣстны и экскурсы для уясненія вліяній, подѣ которыми слагалось міросозерцаніе преп Максима.

Вторая часть посвящена обзору сочиненій Максима Грека и выясненію его значенія въ исторіи русскаго просвѣщенія. Она—какъ было замѣчено—тоже состоитъ изъ четырехъ главъ (тоже излишнее дробленіе).

Въ первой трактуется о *догматико—полемиическихъ* сочиненіяхъ Максима Грека (противъ іудеевъ и іудействующихъ, язычниковъ, латинянъ, магометанъ, армянъ и лютеранъ, противъ апокрифовъ, легендъ и астрологій); во второй—разсматриваются сочиненія *нравоучительныя или нравственно обличительныя* (противъ властей, лихоимства, лицемѣрія, противъ монашества, духовенства и др.); въ третьей—обозрѣваются сочиненія *апологетическія, истолковательныя, повѣствовательныя* и, такъ называемый отдѣлъ смѣси); въ четвертой—выясняется значеніе преп. Максима въ исторіи рус. просвѣщенія.

Авторъ внимательно изучилъ произведенія Максима Грека и въ общемъ охарактеризовалъ ихъ вѣрно, при томъ въ связи съ обстоятельствами, которыми они были вызываемы. Правда, по мѣстамъ рѣчи его могли бы быть не значительно и расширены, но, очевидно, онъ соразмѣрялъ свои силы съ временемъ, отведеннымъ для кандидатскихъ сочиненій. Можетъ быть, этимъ объясняется и то, что въ иныхъ мѣстахъ онъ приводитъ выдержки изъ Максима Грека въ переводѣ на русскій языкъ, а въ другихъ по подлиннику, по славянски.

Литературная обработка хорошая, хотя изрѣдка встрѣчаются выраженія и неудачныя. Вторая часть сочиненія начинается такою (притомъ не гармонирующею съ конечными словами первой) фразою: „Не такова участь его сочиненій“.

Въ общемъ сочиненіе г. Гринберга производитъ благоприятное впечатлѣніе и можетъ быть причислено къ разряду очень удовлетворительныхъ кандидатскихъ диссертаций“.

12) Ординарнаго профессора Д. Богдашевского о сочиненіи студента *Василія Долгополова* на тему: „Нагорная бесѣда Христа Спасителя“.

„Сочиненіе студента *Василія Долгополова* представляет собою введеніе въ изученіе Нагорной бесѣды Христа Спасителя. Оно состоитъ изъ краткаго предисловія (1—14 стр.), гдѣ, по обычаю, опредѣляется задача и планъ работы, указывается литература предмета, и четырехъ главъ. Содержаніе первой главы (15—180 стр.) авторъ опредѣляетъ не точно, именно такимъ образомъ: „Отношеніе Нагорной бесѣды Матѳея къ Нагорной бесѣдѣ Луки и параллели внѣ—нагорной бесѣды“,—формулировка, какъ видимъ, чисто нѣмецкая. Во второй главѣ говорится о подлинности Нагорной бесѣды вообще и ея отдѣльныхъ стиховъ въ частности. Третья глава (237—323) имѣетъ своимъ предметомъ уясненіе отношенія Нагорной проповѣди къ раввинизму. Въ четвертой главѣ (324—379) опредѣляется кратко время и мѣсто произнесенія Нагорной проповѣди, говорится о лицахъ, къ которымъ она была обращена, и поводъ ея произнесенія, о раздѣленіи бесѣды и въ заключеніе раскрываются ея основныя понятія.

Въ общемъ сочиненіе довольно содержательно; видно, что авторъ старался внимательно изучать литературу предмета,—исключительно почти, впрочемъ, на нѣмецкомъ языкѣ. Два главныхъ недостатка замѣчаются въ сочиненіи: во первыхъ, его компилятивность, во-вторыхъ—его необработанность. Часто языкъ сочиненія прямо невозможный; трудно иногда даже добиться смысла. Видна рабская зависимость отъ нѣмецкихъ трудовъ, доходящая до того, что въ одномъ случаѣ вм. — „Валаамъ“ авторъ пишетъ: „Билеамъ“ (стр. 60, прим. 2). Многія страницы сочиненія представляютъ неудачный переводъ нѣмецкихъ книгъ и вообще — авторъ неумѣло пользуется иностранною литературою. Да и русскія статьи

онъ въ большинствѣ случаевъ только компилируетъ, и языкъ сочиненія опредѣляется вообще тѣмъ, какими пособіями пользуется авторъ,—русскими, или иностранными. Сочиненіе переписано иногда довольно безграмотно и многія допущенныя ошибки не исправлены.

Матеріалъ въ сочиненіи расположенъ не особенно удачно. Во второй главѣ авторъ иногда смѣшиваетъ защиту подлинности отдѣльныхъ мѣстъ Нагорной бесѣды съ установленіемъ болѣе правильнаго ихъ чтенія, такъ что въ числѣ отрицательныхъ критиковъ у него оказались и Тишендорфъ, и Цанъ. Нужно было, пожалуй, ввести въ сочиненіе отдѣльную главу: „Текстъ Нагорной бесѣды“, и тогда длинныя текстуальныя разсужденія о молитвѣ Господней были бы исполнѣ уместны, а нынѣ въ главѣ, гдѣ защищается подлинность отдѣльныхъ стиховъ бесѣды, они являются не на своемъ мѣстѣ.

Третья глава написана главнымъ образомъ на основаніи труда Бишофа: *Iesus und Rabbinen: Iesu Bergpredigt und Himmelreich in ihrer Unabhängigkeit von Rabbinismus*, Leipzig, 1905. Много, безспорно, есть въ ней хорошихъ соображеній, но, вслѣдъ за западнымъ ученымъ, авторъ часто теряется въ мелочности, касается несущественныхъ пунктовъ, ставитъ вопросы, не имѣющіе для нашего богослова значенія. Въ опроверженіе взгляда, что ученіе Нагорной бесѣды заимствовано изъ раввинизма, онъ останавливается иногда на такихъ параллеляхъ изъ раввинской литературы, указываемыхъ критикою (особенно Гамбургеромъ), полная несостоятельность которыхъ сама собою очевидна и не требовалось тутъ вовсе длинныхъ разсужденій. Нужно было выдвинуть пункты болѣе важныя и принципиальныя. Удивительно, что авторъ ни однимъ словомъ не коснулся возникшей въ нашей литературѣ полемики по вопросу объ отношеніи Нагорной бесѣды къ ученію книжниковъ и фариисеевъ.

Въ четвертой главѣ, говоря объ основныхъ понятіяхъ Нагорной бесѣды, авторъ раскрываетъ главнымъ образомъ

евангельское ученіе о царствіи Божіемъ, въ разъясненіе котораго такъ много написано и въ нашей литературѣ. Тутъ онъ какъ бы совершенно забываетъ о предметъ своей темы, т. е. его разсужденія ведутся по большей части безотносительно къ тексту Нагорной проповѣди, при чемъ онъ главнымъ образомъ пользуется сочиненіемъ прот. П. Я. Свѣтлова.

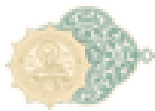
Авторъ избралъ трудную тему для своего сочиненія. Приходилось ему работать преимущественно на основаніи западной литературы. Трудился онъ много и усердно, и сказалъ не мало хорошаго. Многіе недостатки его работы извиняются какъ краткостью времени, такъ и особенностями вообще первыхъ научныхъ опытовъ въ библейской области. Изъ сочиненія ясно видно, что онъ любитъ научно изучать Писаніе, живо интересуется этимъ дѣломъ, а потому его работу я признаю заслуживающею степени кандидата богословія“.

13) Ординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова о сочиненіи студента *Николая Зеленецкаго* на тему: „Христіанство въ Тавридѣ со времени появленія его здѣсь до X-го вѣка“.

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія, двухъ отдѣловъ, изъ коихъ каждый, въ свою очередь, подраздѣляется на нѣсколько главъ, и заключенія.

Въ *предисловіи* (стр. 1—60) авторъ даетъ подробный обзоръ литературы предмета, съ критическими замѣчаніями о важнѣйшихъ трудахъ по исторіи христіанства въ Тавридѣ. Здѣсь же намѣчаются задачи и планъ сочиненія.

Во *введеніи* (стр. 61—78) содержится критическій очеркъ исторіи до—христіанской Тавриды, которая имѣла непосредственную связь съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи Тавриды христіанской. Здѣсь, между прочимъ, сообщаются свѣдѣнія о мѣстоположеніи Таврическаго полуострова и о населеніи его до Р. Хр., которое часто мѣнялось и со временемъ образовалось изъ туземныхъ тавровъ, пришлыхъ грековъ и явивших—

ся позже варварскихъ племенъ, между которыми были и ски-
фы. Сравнительно большее вниманіе авторъ удѣляетъ исторіи
боспорскаго царства и херсонесской греческой колоніи древней
Тавриды.

Въ первомъ отдѣлѣ сочиненія описываются начальные
моменты исторіи христіанства на таврическомъ полуостровѣ,
связанные съ именами св. ап. Андрея Первозваннаго, св. Кли-
мента, епископа римскаго, и семи херсонесскихъ святителей—
мучениковъ первой половины IV-го вѣка.

Въ частности, *первая глава* сочиненія (стр. 79—116) по-
священа вопросу о христіанской проповѣди св. ап. Андрея
Первозваннаго въ Тавридѣ. Здѣсь содержится весьма тща-
тельный критическій анализъ всѣхъ апокрифическихъ сказаній
и основанныхъ на этихъ послѣднихъ историческихъ свидѣ-
тельствъ о путешествіи св. ап. Андрея Первозваннаго на Тав-
рический полуостровъ съ миссіонерскими цѣлями, равно какъ
и опредѣляется научная цѣнность подобныхъ сказаній и сви-
дѣтельствъ. На основаніи этого анализа, авторъ приходитъ къ
тому конечному выводу, что историческая наука, не имѣя пря-
мыхъ данныхъ для того, чтобы безъ остатка отклонить древ-
нее апокрифическое сказаніе объ ап. Андрѣ Первозванномъ,
какъ просвѣтителѣ Тавриды, идущее изъ такой глубокой древ-
ности, и, толкуя его въ географическомъ отношеніи согласно
съ господствующимъ въ наукѣ мнѣніемъ, можетъ допустить,
что ап. Андрей былъ въ Тавридѣ съ проповѣдью христіан-
ства (стр. 114—115).

Въ *главѣ второй* (стр. 117—139) разбирается сказаніе о
мученической кончинѣ въ Тавридѣ св. Климента, епископа
римскаго, при чемъ авторъ склоняется къ тому заключенію,
поддерживаемому лучшими излѣдователями, напр., академи-
комъ Латышевымъ, проф. Шестаковымъ и др., что нѣтъ ос-
нованій сомнѣваться въ возможности ссылки св. Климента
именно въ Херсонесъ (стр. 126), хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не на-
ходитъ возможнымъ, какъ то дѣлаютъ другіе (напр., м. Ма-

карий), признать позднѣйшія житія св. Климента, епископа римскаго, за подлинныя историческіе источники (стр. 126).

Въ *главѣ третьей* (стр. 140—184) критически разсматриваются сказанія о Херсонесскихъ епископахъ—мученикахъ начала IV-го вѣка, при чемъ авторъ пытается, на основаніи этихъ сказаній, болѣе или менѣе точно установить характеръ отношеній таврическихъ жителей къ христіанству и первоначальную резиденцію херсонесскихъ епископовъ (стр. 173).

Второй отдѣлъ сочиненія посвященъ описанію православныхъ епархій, бывшихъ на территоріи Тавриды, въ связи съ важнѣйшими событіями въ церковной жизни этихъ епархій, а также и вещественныхъ памятниковъ таврическаго христіанства. Отдѣлъ этотъ состоитъ изъ пяти главъ.

Въ главахъ—*первой* (стр. 185—210), *второй* (стр. 210—252) и *третьей* (стр. 253—270) сообщаются историческія свѣдѣнія о епархіяхъ—херсонесской и боспорской (въ первой главѣ), готской (во второй) и сурожской и фульской (въ третьей). Въ своихъ историческихъ очеркахъ авторъ обыкновенно пытается опредѣлить начало каждой епархіи, границы ея территоріи и затѣмъ излагаетъ свѣдѣнія о епископахъ и важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни этихъ епархій.

Въ *главѣ четвертой* (стр. 271—319) сообщаются свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ въ церковной жизни древне-христіанской Тавриды, каковыми событіями авторъ признаетъ отраженіе иконоборческихъ смуть въ Византіи на христіанской жизни Тавриды, Кирилло-Меѳодіевскую миссію въ Тавриду и открытіе мощей св. Климента, епископа римскаго, и, наконецъ, сношенія русскихъ славянъ съ греческими черноморскими колоніями, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ проникновеніе христіанства въ Россію, въ связи съ вопросомъ о крещеніи св. Владиміра въ Херсонесѣ.

Пятая глава (стр. 319—366) содержитъ въ себѣ описаніе вещественныхъ памятниковъ христіанскаго прошлаго Тавриды, а именно храмовъ, могилъ, крестовъ и др. предметовъ цер-

ковной утвари. Всѣ эти памятники, по мнѣнію автора, составляютъ прекрасное свидѣтельство о существованіи здѣсь христіанства въ былыя времена, о времени распространенія его въ различныхъ мѣстахъ Тавриды, о пережитыхъ имъ періодахъ процвѣтанія и упадка, а также и о томъ, какъ христіанская жизнь выражалась въ разные вѣка въ созданіяхъ монументальнаго и вообще вещественнаго творчества (стр. 320). Памятники христіанскаго прошлаго Тавриды авторъ изучаетъ въ сравнительномъ освѣщеніи параллельно съ памятниками греческаго и византійско—русскаго христіанскаго искусства. Послѣднее обстоятельство дало возможность автору сдѣлать то любопытное заключеніе, что церковная жизнь у всѣхъ христіанскихъ народовъ православнаго востока, иногда даже довольно удаленныхъ другъ отъ друга, въ существенныхъ ся чертахъ развивалась однообразно, обнаруживая одинаковыя идеи и одинаковые художественные вкусы въ области церковнаго искусства, подчиняясь во всемъ этомъ духовному руководству православной Византіи (стр. 366).

Въ *заключеніи* (стр. 367—373) авторъ высказываетъ нѣсколько своихъ соображеній относительно культурнаго значенія историческаго центра христіанской Тавриды—Херсонеса на нашу Русь, признавая это значеніе весьма важнымъ и заслуживающимъ спеціальнаго изслѣдованія.

Таково содержаніе диссертациі студента Зеленецкаго. Его диссертациа представляетъ солидную и серьезную студенческую работу. Вопросъ, какимъ онъ занимается, представляетъ большой интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезныя затрудненія. Литература предмета, при всей ея обширности, отличается огрывочностію. Объединеніе ея, равно какъ установленіе нѣкоторыхъ частныхъ фактовъ сопряжено съ большими трудностями. Авторъ очень усердно изучилъ литературу предмета. Сужденія его и выводы отличаются серьезностію и осторожностію. Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ 1908 г. авторъ нѣсколько мѣсяцевъ провелъ въ Крыму и лично наблюдалъ результаты

произведенных тамъ археологическихъ раскопокъ. Это обстоятельство замѣтно и выгодно отразилось на его трудѣ, особенно на тѣхъ страницахъ его, гдѣ онъ описываетъ разныя мѣстности Тавриды и вещественные памятники христіанскаго прошлаго ея. Вездѣ въ сочиненіи видна любовь автора къ предмету его сочиненія.

Несомнѣнно, что въ его сочиненіи имѣются недочеты. Нѣкоторыя хронологическія даты и историческія соображенія автора должны быть признаны недостаточно обоснованными (стр. 308). Въ иныхъ мѣстахъ сочиненія дѣлаются выводы большіе, чѣмъ на какіе даютъ право историческіе факты (стр. 5). Нѣкоторые отдѣлы сочиненія, напр., введеніе (стр. 61—78, а также стр. 114—115 ср. 87, 90) производятъ невыгодное впечатлѣніе отрывочностію содержащихся въ нихъ свѣдѣній, неувѣренностію сужденій автора и какъ бы боязнію его произнести рѣшительное слово. Въ другихъ мѣстахъ, напр., на стр. 233—234 и др. впечатлѣніе ослабляется тѣмъ, что авторъ мелочныя подробности, какимъ мѣсто въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, вноситъ въ основной текстъ.

Особенно внѣшняя сторона работы требовала большаго вниманія и большаго времени, чѣмъ какое было, очевидно, въ распоряженіи усерднаго и несомнѣнно трудолюбиваго автора. Въ сочиненіи встрѣчаются неудачныя выраженія (стр. 11, 17, 19, 21, 23, 31, 40, 65, 67, 69, 134, 157, 161, 189, 271, 276, 298), нескладныя предложенія (стр. 206, 239, 249, 280, 292, 295, 318, 325), преувеличенія (стр. 121, 186, 272, 342), выраженія нѣсколько повышеннаго тона (стр. 61—62, 308), повторенія (стр. 141), грамматическіе промахи (стр. 35, 39, 66, 182, 195, 200, 209, 295, 321), или просто описки (стр. 138, 175).

По исправленіи отмѣченныхъ сейчасъ недостатковъ, сочиненіе могло бы быть напечатано, какъ заключающее въ себѣ не мало новыхъ свѣдѣній и оригинальныхъ соображеній.

На основаніи сказаннаго, сочиненіе студента Н. Зеленецкаго, какъ кандидатская диссертация, можетъ быть признано весьма хорошимъ“.

14) И. д. доцента іеромонаха Анатолія о сочиненіи студента *Михаила Іустинова* на тему: „Церковь въ царствованіе императора Юліана (361—363)“:

„Царствованіе имп. Юліана, не смотря на его кратковременную продолжительность (всего 18 мѣсяцевъ), является весьма интереснымъ въ церковно—историческомъ отношеніи и въ нѣкоторомъ смыслѣ является эпохой въ исторіи Церкви. Это былъ своего рода экспериментъ исторіи, когда Церковь, торжественно признанная государствомъ и также торжественно объявившая на вселенскомъ соборѣ о Божествѣ своего Главы, вдругъ очутилась въ положеніи, напоминавшемъ первые 3 вѣка ея существованія. Моментъ въ высокой степени драматическій, и не удивительно, что эпоха Юліана привлекала вниманіе многихъ церковныхъ историковъ. Между прочимъ, сочиненіемъ объ Юліанѣ началъ свою плодотворную ученую дѣятельность извѣстный церковный историкъ Неандеръ. Съ другой стороны, царствованіе имп. Юліана уже въ виду одной его кратковременности очень удобно для всесторонняго изображенія положенія и состоянія Церкви въ этотъ именно моментъ, хотя, нужно сказать, что удачное соединеніе въ одномъ цѣльномъ очеркѣ внѣшней и внутренней исторіи Церкви въ указываемый періодъ требуетъ извѣстнаго искусства. Студ. Іустиновъ заинтересовался эпохой Юліана и представилъ весьма большое по объему (свыше 700 страницъ) сочиненіе о Церкви въ царствованіе этого императора. Сочиненіе г. Іустинова, какъ и слѣдовало ожидать, помимо введенія, гдѣ онъ говоритъ объ общемъ ходѣ церковно-историческаго процесса, распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая посвящена внѣшнему состоянію Церкви въ 361—363 г.г., а вторая раскрываетъ внутреннее состояніе Церкви въ

это время. Первая часть состоитъ изъ шести главъ. Изъ нихъ первая глава имѣетъ характеръ вводный и изображаетъ общее состояніе христіанства и язычества въ половинѣ IV-го вѣка, отношеніе къ язычеству христіанскихъ императоровъ и причины реакціи при Юліанѣ, словомъ, изображаетъ то, что является, употребляя нѣмецкое выраженіе—Vorgeschichte разсматриваемаго авторомъ періода. Во 2-ой главѣ говорится о самомъ императорѣ Юліанѣ до вступленія его на тронъ кесарей, при чемъ внимательно изслѣдуются всѣ факторы, опредѣлявшіе характеръ будущаго отступника отъ христіанства. Съ 3-й главы начинается изображеніе самой реставраціонной дѣятельности Юліана—императора. Въ 4-ой главѣ спеціально изслѣдуются мѣры его къ ограниченію и подавленію христіанства; въ 5-ой говорится объ отношеніи императора къ іудейству, которое было противопоставлено имъ христіанству, и, наконецъ, послѣдняя глава этой части посвящена свв. мученикамъ Христовой Церкви, запечатлѣвшимъ вѣрность Христу своею кровію. Какъ видно изъ этого перечня содержанія первой части сочиненія г. Іустинова, онъ довольно полно и послѣдовательно разсмотрѣлъ все касающееся внѣшняго положенія Церкви въ царствованіе Юліана. Со стороны плана этой части ему можно поставить только одно возраженіе. Онъ напрасно раздѣляетъ двѣ главы, весьма тѣсно связанныя по своему содержанію, 1-ю (о мѣрахъ противъ христіанъ) и 6-ую (о свв. мученикахъ)—пятой, говорящей объ отношеніи Юліана къ іудейству. Со стороны содержанія эта часть также является хорошо обработанной. Введеніе спеціальной главы о мученіяхъ при Юліанѣ и стремленіе автора на основаніи мученическихъ актовъ, прологовъ и миней опредѣлить возможно полнѣе число мучениковъ и обстоятельства, при которыхъ они пострадали, составляетъ положительную заслугу автора. Жаль только, что авторъ, очевидно, не имѣлъ или не пользовался такимъ капитальнымъ трудомъ, какъ „Полный мѣсяцесловъ Востока“ архіеп. Сергія. Послѣдній освободилъ бы его отъ

лишняго труда, а порой и ошибокъ въ многихъ случаяхъ. Но это стоитъ въ связи съ одной особенностью автора, о которой рѣчь будетъ дальше. Изъ нѣкоторыхъ частныхъ, возбуждающихъ недоумѣнія, можно отмѣтить, что напрасно авторъ въ украшеніи Константинополя его основателемъ Константиномъ Великимъ языческими статуями видитъ какъ бы нѣкую уступку языческому прошлому. Вѣдь статуи боговъ по свидѣтельству историковъ были поставлены въ Константинополь въ обезображенномъ видѣ и вообще онѣ разсматривались какъ предметы искусства, а не какъ предметы почитанія. Точно также возбуждастъ недоумѣніе, правда, случайное у автора, но теперь рѣшительно нѣмъ не принимаемое позднее опредѣленіе года рожденія св. Іоанна Златоуста.—Переходя теперь ко второй части сочиненія, трактующей о внутреннемъ состояніи Церкви при Юліанѣ, приходится сказать, что и со стороны расположенія и со стороны обработки матеріала она нѣсколько уступаетъ первой, хотя превосходитъ ее объемомъ. Послѣ первой вводной главы, гдѣ изображается исторія догматическихъ движеній въ послѣдніе годы царствованія Констанція, слѣдуетъ глава, въ которой авторъ подробно излагаетъ ходъ догматической борьбы въ царствованіе Юліана и исторію крупнѣйшаго событія въ ней въ данное время—александрійскаго собора 362 г. Глава 3-ья изображаетъ, какъ выражается авторъ, интеллектуальное состояніе Церкви въ эпоху Юліана и трактуетъ о литературной борьбѣ внутри Церкви съ ересями и о великихъ борцахъ за православіе. Глава 4-ая говоритъ о литературной борьбѣ представителей Церкви съ Юліаномъ, язычествомъ и неоплатонизмомъ. А въ главѣ 5-ой мы опять встрѣчаемся съ ересями и расколами, о борьбѣ съ которыми авторъ говорилъ въ 3-ей главѣ, а внутренняя жизнь ихъ врядъ ли входила въ кругъ задачъ автора, пишущаго о Церкви въ царствованіе Юліана. Т. обр., распредѣленіе матеріала во второй части авторскаго труда, по нашему мнѣнію, должно было быть иное, а затѣмъ онъ долженъ

былъ твердо помнить границы своего труда, ибо теперь онъ широко захватываетъ и до-юліановское и послѣ-юліановское время, внося въ сочиненіе лишнее. Это тѣмъ болѣе досадно, что событія 361—363 г.г., т. е. тѣ самыя, что составляли прямой и непосредственный предметъ авторскаго труда, изслѣдованы имъ не достаточно скрупулезно. Таковъ, напр., александрійскій соборъ 362 г. и его опредѣленіе. Если бы авторъ свою энергію и поиски направилъ бы на анализъ и освѣщеніе свѣдѣній о соборѣ и его опредѣленій, то это было бы гораздо полезнѣе для него, чѣмъ собирать свѣдѣнія о внутренней жизни еретическихъ и раскольническихъ обществъ до и послѣ Юліана. Напр., вопросъ объ обсужденіи аполлинаріанства на александрійскомъ соборѣ, вопросъ не простой и затрудняющій многихъ ученыхъ, у автора остался безъ всякаго разрѣшенія, между прочимъ, потому, что онъ напрасно связываетъ себя произвольнымъ предположеніемъ, будто Аполлинарій лаодикійскій (младшій) сдѣлался епископомъ лишь съ 362 г. (см. Хр. Чт. 1908, II, 1262).

Сочиненіе заканчивается заключеніемъ, въ которомъ авторъ опредѣляетъ значеніе личности и дѣятельности имп. Юліана для христіанской Церкви. Освѣщеніе, даваемое авторомъ эпохѣ, вѣрное и возвышенно-ортодоксальное. Къ сочиненію приложенъ списокъ источниковъ и пособій автора, хотя лучше было бы сказать о нихъ съ присоединеніемъ характеристики главнѣйшихъ изъ нихъ въ началѣ сочиненія.—Въ отношеніи методологическомъ авторъ заслуживаетъ похвалы за то, что постоянно ссылается на первоисточники, приводя изъ нихъ подлинныя выдержки подъ строкою. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ отступаетъ, неизвѣстно почему, отъ этого единственно правильнаго метода и цитируетъ, напр., порой греческихъ церковныхъ историковъ и писателей по Баронию, приводя латинскій текстъ. Переводъ автора съ классическихъ языковъ нельзя назвать изящнымъ: онъ выдерживаетъ порой и самую конструцію подлинника. Что касается по-

собій автора, то у него замѣчается одна странность—нѣкоторый архаизмъ въ выборѣ пособій. Онъ систематически избѣгаетъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ пособій, касающихся его предмета. Конечно, не все то, что пахнетъ типографской краской и носитъ дату текущаго столѣтія, является выраженіемъ научнаго прогресса. Порой эти самоновѣйшія изданія дѣлають шагъ назадъ и вообще заслоняють почтенные труды великихъ ученыхъ прошедшихъ столѣтій. Но все-таки нѣкоторыя новѣйшія сочиненія автору помогли бы значительно. О такомъ именно трудѣ, весьма полезномъ для автора, архіеп. Сергія уже сказано. Точно также новѣйшія сочиненія по исторіи догматовъ дали бы автору больше, чѣмъ историко-догматическія справки у Петавія. Быть можеть, автору, проводящему весьма ортодоксальный и возвышенный взглядъ на ходъ церковной исторіи, не нравится освѣщеніе церковно-историческихъ фактовъ въ новѣйшихъ трудахъ, но онъ могъ бы побороть свою антипатію къ этимъ послѣднимъ и взять у нихъ только положительное ихъ содержаніе.—Въ общемъ же авторъ много потрудился, обнаружилъ достаточную подготовку къ научнымъ занятіямъ въ области церковной исторіи и за свой содержательный и огромный трудъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

15) Ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова о сочиненіи студента *Николая Компана* на тему: „Благовѣрный князь Константинъ—Василій Константиновичъ Острожскій, ревнитель православія и защитникъ русской народности въ Западной Руси“.

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, четырехъ главъ и заключенія.

Въ *предисловіи* (стр. 1—XII) излагается планъ работы и дается перечень литературы вопроса.

Глава первая (стр. 1—24) содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о родѣ князей Острожскихъ и, въ частности, объ особенно за-

мѣчательныхъ представителей его—предкахъ кн. К. К. Острожскаго, а во второй главѣ (ст. 25—44) сообщаются общія біографическія свѣдѣнія о кн. К. К. Острожскомъ—его рожденіи, воспитаніи, образованіи, женитьбѣ и фамиліино-родственныхъ отношеніяхъ—до выступленія его на широкій путь церковно-общественнаго и церковно-политическаго служенія.

Главы третья и четвертая посвящены описанію дѣятельности кн. К. К. Острожскаго.

Въ главѣ третьей (стр. 45—156), послѣ общаго предварительнаго очерка, гдѣ показывается, въ какомъ состояніи находилась Западная Русь до времени кн. К. К. Острожскаго, описывается *просвѣтительная* дѣятельность послѣдняго, выразившаяся въ устройствѣ острожской типографіи и ея широкой научно-издательской дѣятельности, въ устройствѣ острожской школы, въ построеніи храмовъ, основаніи монастырей и въ покровительствѣ церковнымъ западно-русскимъ братствамъ.

Въ главѣ четвертой (стр. 157—352) изображается церковно-политическая дѣятельность кн. К. К. Острожскаго со стороны, главнымъ образомъ, его участія въ борьбѣ съ церковной уніей въ Зап. Руси, при чемъ здѣсь же излагается подробно исторія введенія церковной уніи въ Зап. Руси въ самой широкой перспективѣ.

Заключеніе (стр. 353—370) посвящено общей характеристикѣ личности и дѣятельности кн. К. К. Острожскаго.

Сочиненіе студента Н. Компана не содержитъ въ себѣ чего либо новаго. Оно представляетъ или пересказъ того, что находится въ другихъ историческихъ трудахъ, или же сводъ и оцѣнку сужденій другихъ историковъ, писавшихъ о кн. К. К. Острожскомъ. Можно пожалѣть, что авторъ не вчитался въ полемическую западно-русскую литературу конца XVI в. и начала XVII в., которая дала бы ему возможность сказать и что либо новое о дѣятельности кн. К. К. Острожскаго. Въ сочиненіи встрѣчаются прискорбныя историческія—хронологическія ошибки, которыя, впрочемъ, могутъ быть объясняемы не-

досмотромъ переписчика (стр. 220, 221). Первые отдѣлы четвертой главы сочиненія изложены близко къ тексту труда г. Грушевскаго М., не всегда цитуемаго авторомъ. Цитація автора вообще отличается неопредѣленностью. Въ иныхъ мѣстахъ сочиненія замѣчается слишкомъ довѣрчивое отношеніе автора къ гипотетическимъ положеніямъ (стр. 181, 102). Въ изложеніи встрѣчаются грамматическіе недосмотры (стр. III, 49, 72, 156, 168, 187) и нескладныя выраженія (стр. 16, 78, 178, 185, 286, 289, 296).

Сочиненіе въ общемъ даетъ полное и обстоятельное изображеніе жизни и дѣятельности замѣчательнаго представителя Зап. Руси въ эпоху напряженной борьбы ея за вѣру и народность. Для присужденія автору степени кандидата богословія оно можетъ быть признано достаточнымъ“.

19) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева о сочиненіи студента *Василія Красовитова* на тему: „Протоіерей Андрей Іоанновъ Журавлевъ и его историческое извѣстіе о раскольникахъ“.

„Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе довольно неудачнымъ и къ дѣлу не идущимъ разсужденіемъ о расколѣ, какъ „наукѣ, находящей мало отклика въ сердцахъ мыслящей и читающей публики“; затѣмъ намѣчаетъ планъ сочиненія и перечисляетъ несложную литературу по трактуемому предмету.

Это предисловіе (1—7 стр.).

Самое сочиненіе состоитъ изъ трехъ главъ.

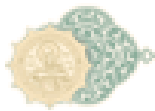
Въ *первой* (стр. 8—48) трактуется объ единовѣрїи, его возникновеніи и первоначальной исторїи (до 1788 г.). Такъ какъ и общественная и литературная дѣятельность протоіерея Журавлева, доставившая ему извѣстность, направлена была къ упроченію единовѣрїя (—согласія съ православною Церковію старообрядцевъ), то умѣстность этой трактации не подлежитъ сомнѣнію. Но она, представляя собою бѣглый очеркъ, не отличается при этомъ и яркостію красокъ, по мѣстамъ же и

скомбинирована не совсѣмъ продуманно. Такъ, напр., заявивъ, что съ начала XVIII столѣтія правительство стало относиться къ раскольникамъ снисходительнѣе и мягче,—авторъ продолжаетъ: „Съ этого времени и Церковь вступаетъ на борьбу съ расколомъ путемъ меча духовнаго—слова убѣжденія... Мы видимъ изданными *Жезлы правленія, Увѣтъ духовный* и проч. Авторъ (минувъ все другое) забываетъ, что не въ это время изданы были помянутыя сочиненія.

Вторая глава (49—113) посвящена обзору жизни и дѣятельности протоіерея Андрея Іоанновича Журавлева. Въ научномъ отношеніи глава эта самая цѣнная; но она находится въ очень большой зависимости отъ лекцій (рукописныхъ) бывшего профессора Петербургской академіи Нильскаго.

Третья, самая большая по объѣму глава (114—238 стр.), самостоятельная. Здѣсь авторъ сосредоточиваетъ вниманіе на замѣчательномъ для своего времени трудѣ протоіерея Журавлева—его „Полномъ историческомъ извѣстіи о древнихъ строгольникахъ и новыхъ раскольникахъ и проч.“: сравниваетъ его съ предшествующими однородными трудами отца протоіерея и довольно обстоятельно излагаетъ его содержаніе, сопровождая оное по мѣстамъ краткими критическими замѣчаніями и поясненіями. Число этихъ замѣчаній и поясненій могло бы быть не незначительно и увеличено.

Сочиненіе г. Красовитова отнюдь не можетъ быть причислено къ числу выдающихся по своимъ достоинствамъ кандидатскихъ диссертаций. Тѣмъ не менѣе главное и существенное по изслѣдуемому предмету выяснено авторомъ съ достаточною обстоятельностью. Изложеніе довольно удовлетворительное, хотя и не обнаруживаетъ пера, прочно сформировавшагося, что, можетъ быть, зависѣло (беру фразу изъ небольшого послѣсловія, которымъ авторъ заканчиваетъ свое сочиненіе) „отъ сравнительно малаго предыдущаго опыта въ подобнаго рода работахъ“.

Для степени кандидата сочиненіе можетъ быть признано удовлетворительнымъ“.

17) Ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова о сочиненіи студента *Василія Левицкаго* на тему: „Почаевская Успенская лавра въ XVI—XVIII вѣкахъ (1597—1833 г.г.)“.

„По исторіи Почаевской лавры существуетъ въ литературѣ нѣсколько трудовъ. Важнѣйшими среди нихъ должны быть признаны сочиненія бывшаго намѣстника Почаевской лавры архимандрита Амвросія Лотоцкаго и протоіерея А. Хойнацкаго. Но какъ сочиненія архим. Амвросія и прот. А. Хойнацкаго, такъ еще болѣе труды другихъ авторовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ исторіи Почаевской обители, не удовлетворяютъ вполне требованіямъ науки. Прежде всего, они далеко не исчерпываютъ всего того документальнаго матеріала, какой имѣется въ распоряженіи тружениковъ науки. Лучшимъ въ этомъ отношеніи является трудъ архим. Амвросія. Но, не смотря на то, что послѣдній прямо заявляетъ въ началѣ своего сочиненія, что онъ составлялъ его на основаніи архивныхъ документовъ, при внимательномъ анализѣ его книги приходится признать, что онъ далеко не всегда основывался въ своихъ сужденіяхъ на документахъ, хранящихся въ лаврскомъ архивѣ. Къ сожалѣнію, необходимо признать, что какъ архим. Амвросій, такъ и всѣ другіе авторы, писавшіе по исторіи Почаевской лавры, составляли свои труды преимущественно на основаніи извѣстнаго въ литературѣ базилянскаго изданія подъ заглавіемъ: „Гора Почаевская“. Этимъ обстоятельствомъ обусловливается другой существенный недостатокъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ въ литературѣ трудовъ по исторіи Почаевской лавры. Въ то время, какъ во всѣхъ этихъ трудахъ весьма подробно и обстоятельно излагается исторія Почаевской обители за XVIII вѣкъ, когда она находилась въ уніи, первыя времена существованія монастыря обозрѣваются весьма

бѣгло, а иногда проходятся полнымъ молчаніемъ. Даже жизнь и дѣятельность перваго устроителя Почаевской обители, знаменитаго игумена ея преподобнаго Іова Желѣза, не привлекала къ себѣ полного вниманія прежнихъ историковъ Почаева.

Студенту В. Левицкому предложено было восполнить отмѣченные сейчасъ недостатки въ существующихъ трудахъ по исторіи Почаевской лавры. Ему предстояло написать исторію Почаевскаго монастыря *исключительно* на основаніи тѣхъ документальныхъ историческихъ актовъ, какіе сохранились въ почаевскомъ лаврскомъ архивѣ и др. мѣстахъ. Онъ долженъ былъ при этомъ обратить особенное и преимущественное вниманіе на первый, до-уніатскій періодъ существованія Почаевскаго монастыря.

Студентъ В. Левицкій довольно успѣшно выполнилъ эту трудную задачу.

Сочиненіе его состоитъ изъ введенія и пяти главъ.

Во *введеніи* (стр. 1—70) авторъ даетъ весьма подробный обзоръ литературы—рукописной и печатной—по исторіи Почаевской лавры, при чемъ дѣлаетъ критическія замѣчанія о важнѣйшихъ изъ научныхъ трудовъ по исторіи Почаевской обители.

Въ *главѣ первой* (стр. 70—116) авторъ, путемъ критическаго разбора существующихъ въ наукѣ мнѣній и съ помощію несомнѣнныхъ историческихъ документальныхъ данныхъ, устанавливаетъ время происхожденія Почаевскаго монастыря, относя его къ самому концу XVI вѣка. Такой свой выводъ авторъ разъясняетъ и освѣщаетъ соображеніями о причинахъ и обстоятельствахъ, благодаря которымъ Почаевскій монастырь былъ основанъ въ концѣ XVI в.

Во *второй главѣ* (стр. 117—183) излагается первоначальная исторія Почаевскаго монастыря, при чемъ особенно подробно описывается жизнь и дѣятельность преп. Іова Желѣза, бывшаго истиннымъ устроителемъ Почаевской обители.

Въ *главѣ третьей* (стр. 183—262) изображается дальнѣйшая судьба Почаевской обители со времени преп. Іова Желѣза до обращенія монастыря въ унию.

Главное содержаніе этой главы составляютъ біографическія свѣдѣнія объ игуменахъ, управлявшихъ монастыремъ въ 1651—1712 г.г. Особенно подробно излагается два эпизода изъ исторіи монастыря за это время его существованія, именно: 1) громкое дѣло игумена Ягельницкаго, попавшаго въ 1690 хъ годахъ подъ судъ за сопротивленіе, будто бы, архіерейской власти, но на самомъ дѣлѣ защищавшаго, по мнѣнію автора, интересы православія и энергично отстаивавшаго Почаевскій монастырь отъ притязаній со стороны тайнаго униата — луцкаго епископа Аѳанасія Шумлянскаго, и 2) дѣло о переходѣ Почаевскаго монастыря въ унию, гдѣ авторъ обращаетъ особенное вниманіе на установленіе точной даты этого послѣдняго событія.

Въ *главѣ четвертой* (стр. 263—287) изображается внѣшній строй и внутренній бытъ Почаевскаго монастыря въ періодъ времени до-униатскаго его существованія. Здѣсь же (стр. 279 и слѣд.) рѣшается вопросъ о почаевской типографіи, начало которой авторъ признаетъ возможнымъ отнести ко временамъ преподобнаго Іова Желѣза.

Глава пятая (стр. 287—320) посвящена краткому обзору исторіи Почаевскаго монастыря за время пребыванія его во владѣніи униатовъ-базиліанъ. Съ наибольшею обстоятельностью авторъ описываетъ здѣсь дѣятельность извѣстнаго польскаго магната XVIII в.—Николая Потоцкаго, много сдѣлавшаго и своимъ личнымъ трудомъ и особенно своими богатыми пожертвованіями для внѣшняго благоустройства Почаевскаго монастыря. Сочиненіе заканчивается описаніемъ обстоятельствъ возвращенія Почаевскаго монастыря въ православіе и выясненіемъ важнаго значенія этого монастыря для Волынскаго края и вообще для Западной Руси.

Самое главное и цѣнное достоинство труда студента В. Левицкаго составляетъ его документальность и обиліе новыхъ фактовъ и оригинальныхъ сужденій по главнымъ вопросамъ, касающимся исторіи Почаевскаго монастыря. Правда, не всѣ соображенія автора имѣютъ одинаковую цѣнность. Нѣкоторыя изъ нихъ, опирающіяся на документальныя историческія свидѣтельства, имѣютъ безспорное достоинство. Таковы, напр., сужденія автора по вопросу о времени и причинахъ перехода Почаевскаго монастыря изъ православія въ унию. Этими соображеніями автора совершенно устраняются мнѣнія прежнихъ историковъ Почаевской лавры, напр., архим. Амвросія, прот. А. Хойнацкаго и др. Другія же соображенія и заключенія автора, имѣющія болѣе апріорный, чѣмъ документальный характеръ, отзываются проблематичностію. Таковы, напр., разсужденія автора о времени происхожденія типографіи въ Почаевскомъ монастырѣ. Нельзя при этомъ не пожалѣть о томъ, что авторъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на книгу Кирилла Транквилліона подъ заглавіемъ: „Зерцало богословія“, напечатанную въ Почаевскомъ монастырѣ въ 1618 г., не попытался въ самомъ содержаніи ея поискать подкрѣпленія для своего мнѣнія о возможности зарожденія типографской дѣятельности въ Почаевскомъ монастырѣ еще во времена преп. Іова Желѣза. Нѣкоторыя же сужденія и соображенія автора должны быть признаны не полными, или неудачными, или же неубѣдительными. Таковы, напр., нѣкоторыя изъ его соображеній по вопросу о времени первоначальнаго зарожденія монашеской жизни въ Почаевѣ. Мысль автора о томъ, что еслибы монашеская жизнь въ Почаевѣ зародилась еще въ 1240 г., то она, будто бы, не могла развиваться такъ слабо до 1597 г., является очень слабымъ историческимъ аргументомъ. Подобнымъ же образомъ и ссылки его на Кіево-Печерскую и Троице-Сергіеву лавры, а тѣмъ болѣе на Кіево-Троицкій монастырь должны быть признаны совсѣмъ неубѣдительными, въ виду совершенно особыхъ условій мѣста и времени жизни

и дѣятельности Почаевского монастыря. Станнымъ при этомъ представляется то, что авторъ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ болѣе важномъ для него фактѣ, что на всемъ протяженіи времени XIII—XVI в.в. не встрѣчается никакихъ документальныхъ свидѣтельствъ о существованіи монастыря въ Почаевѣ. Это можетъ быть понимаемо не только въ смыслѣ совершеннаго отсутствія въ Почаевѣ монашества въ это время, но также и въ томъ болѣе точномъ и опредѣленномъ смыслѣ, что во все это время здѣсь не было только организованнаго и зарегистрированнаго правительствомъ монастырскаго общежитія. Вообще настойчивое и рѣшительное отрицаніе авторомъ возможности существованія всякой монашеской жизни въ Почаевѣ до 1597 г. (напр., въ видѣ отшельниковъ) является въ настоящемъ изложеніи очень неубѣдительнымъ.

Мнѣніе автора о томъ, что преподоб. Іовъ Желѣзо былъ *основателемъ и первымъ* игуменомъ Почаевского монастыря (стр. 130) требовало болѣе основательной и обстоятельной аргументаціи въ виду того, что въ позднѣйшихъ документахъ (архива Почаевской Лавры д. 1/77) встрѣчаются, правда, глухія упоминанія о предшественникахъ преподоб. Іова по игуменству въ Почаевѣ.

Письмо преподоб. Іова Желѣза къ царю Михаилу Теодоровичу отъ мая 1626 г. (стр. 174 и слѣд.), какъ уже неоднократно напечатанное, не слѣдовало бы приводить полностью, даже съ адресомъ, въ сочиненіи. Въмѣсто того, автору необходимо было хорошо и внимательно проанализировать его содержаніе, тѣмъ болѣе потому, что въ немъ содержатся, правда, немногія, но весьма цѣнныя свѣдѣнія по исторіи монастыря, говорится, напр., о пожарѣ, бывшемъ въ монастырѣ предъ 1626 г., или о томъ, что *предки царя Михаила Теодоровича были благотворителями обители* и т. п.

Вообще у автора непроизводительно потрачено много мѣста на приведеніе буквального текста документовъ, иногда

даже такихъ, которые можно читать, напр., у прот. Хойнацкого (стр. 185 и слѣд., 191 и слѣд., 204 и слѣд., 208 и слѣд., 240 и слѣд.). Иногда въ текстѣ буквально цитируемыхъ документовъ встрѣчаются прискорбныя ошибки, или, быть можетъ, описки (стр. 185, 204).

Описаніе бытовой жизни монастыря въ четвертой главѣ сочиненія представляетъ, въ нынѣшнемъ его видѣ, по собственному выраженію автора (стр. 263), только, „бѣглый“ обзоръ. Жаль, что авторъ здѣсь ничего не сказалъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ Почаевского (православнаго) монастыря къ епархіальному архіерею, а равно не отмѣтилъ нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ въ процессѣ судебныхъ дѣлъ, какія велъ монастырь въ XVII в. Вообще авторъ, быть можетъ, по недостатку времени, далеко не исчерпалъ того богатѣйшаго матеріала, какой содержится въ документахъ почаевского лаврскаго архива и нашей академической бібліотеки для характеристики быта монастырскаго въ XVII в.

Изложеніе требовало большаго времени и труда, чѣмъ какой могъ вложить авторъ въ свою работу. Въ сочиненіи встрѣчаются грамматическіе промахи (стр. 291) и неудачныя выраженія (стр. 222, 234, 262, 302).

По устраненіи всѣхъ отмѣченныхъ недочетовъ, вполне существенныхъ въ срочной студенческой работѣ, сочиненіе могло бы быть напечатано и явиться весьма полезнымъ церковно-историческимъ трудомъ.

Цѣня большое трудолюбіе автора, необыкновенныя усилія и трудности, съ которыми были сопряжены чтеніе, разборъ и обработка древнихъ рукописей, почти исключительно польскихъ, наконецъ, полную оригинальность и новизну многихъ сужденій и выводовъ, къ какимъ приходитъ авторъ, я нахожу возможнымъ признать диссертацию студента В. Левицкаго очень хорошимъ сочиненіемъ и вполне достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

18) Доцента священника Николая Гроссу о сочиненіи іеромонаха *Леонтія* (Матусевича) на тему: „Вліяніє католицизма на русскую церковную проповѣдь 17 и 18-го вѣка“.

„Во введеніи (стр. 1—6) авторъ говоритъ, что онъ поставилъ своею задачею изслѣдовать русскую церковную проповѣдь 17 и 18 вѣка, развивавшуюся подъ вліяніемъ проповѣди латино—польской, со стороны ея внутренняго характера. Проф. Терновскій, написавшій лучшую монографію объ южнорусской проповѣди названнаго періода, касается преимущественно внѣшнихъ особенностей ея, а о томъ духѣ, какимъ были проникнуты южнорусскіе проповѣдники, дѣлаетъ лишь одно бѣглое замѣчаніе: „духа же не было въ нихъ“. О. Леонтій согласенъ съ этимъ замѣчаніемъ, но беретъ на себя трудъ показать, что эта мертвенность южнорусской проповѣди зависѣла отъ того, что проповѣдники южнорусскіе, принявъ за образецъ для себя латино-польскую проповѣдь, очевидно должны были подчиниться своимъ руководителямъ—католикамъ не только во внѣшнихъ пріемахъ проповѣдничества, но и въ самомъ пониманіи христіанскаго ученія о нравственности, служащаго неизмѣннымъ предметомъ церковнаго учительства всѣхъ временъ. Каково это пониманіе,—разъясняется въ первой главѣ (стр. 7—32). Здѣсь авторъ старается доказать, что по православному ученію, основанному на Евангеліи и святоотеческихъ твореніяхъ, добродѣтель есть высшее для человѣка благо и исполненіе евангельскихъ заповѣдей является только внѣшнимъ выраженіемъ (?) внутренняго блаженства добродѣтельнаго христіанина. Такому взгляду на добродѣтель и добрыя дѣла совершенно противоположенъ взглядъ католицизма, которое добродѣтель понимаетъ въ смыслѣ внѣшняго исполненія тѣхъ или другихъ обязанностей, обезпечивающаго человеку право на полученіе отъ Бога извѣстной награды. Выясненіе этого предмета, не отличающееся — кстати сказать — ни ясностью изложенія, ни точностью терминологіи, понадобилось автору потому, что въ южнорусской проповѣди 17 и 18 вѣка

онъ ищетъ католическаго, т. н. юридическаго пониманія добродѣтели и обязанностей христіанскихъ.—Въ главѣ второй (стр. 32—86) онъ спрашиваетъ: къ какой конечной цѣли направляли свое проповѣдническое слово южнорусскіе проповѣдники? По наблюденіямъ о. Леонтія оказывается, что послѣдніе „не любятъ говорить о добродѣтели прямо и положительно“ (?—стр. 42), о ея красотѣ и доставляемомъ ею блаженствѣ, не любятъ разсматривать ее какъ высшее для человѣка благо и вызывать въ душѣ слушателей умиленіе предъ проявленіями добродѣтели, а предпочитаютъ выставять ее „какъ холодную обязанность“ (тамъ же). Это положеніе иллюстрируется выдержками изъ проповѣдническихъ трудовъ Іоаннікія Голятовскаго, Лазаря Барановича, Антонія Радивиловскаго, Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Чтобы выпуклѣе представить свою основную мысль, о. Леонтій затѣмъ приводитъ мѣста изъ Учительнаго Евангелія Кирилла Транквилліона и изъ поученій святителей Димитрія Ростовскаго и Тихона Задонскаго, раскрывающія взглядъ на добродѣтель какъ на высшее благо, имѣющее цѣну въ самомъ себѣ, а въ концѣ главы дѣлаетъ небольшой экскурсъ въ исторію древне-русской церковной проповѣди, гдѣ находитъ полное раскрытіе православнаго пониманія добродѣтели и евангельскихъ заповѣдей. Вліяніе католическаго юридическаго взгляда на христіанскую нравственность, по мысли автора, должно было сказаться не только въ своеобразномъ содержаніи церковной проповѣди 17 и 18 в., но и въ ея внѣшнихъ пріемахъ и въ самомъ языкѣ. Особенности южнорусской проповѣди съ этой стороны обстоятельно раскрылъ проф. Терновскій, и нашъ авторъ ищетъ только объясненія различнымъ страннымъ, на нашъ взглядъ ораторскимъ пріемамъ южноруссовъ, особенно ихъ склонности къ схоластическому „дѣленію мыслей“. Такое объясненіе онъ находитъ (глава третья, стран. 87—104) въ томъ, что юридическое пониманіе добродѣтели, какъ внѣшняго долга, разрываетъ христіанскій идеалъ нрав-

ственности на отдѣльныя обязанности, между которыми те-
рится внутреннее единство, такъ что при бесѣдѣ о нихъ съ
церковной каѳедры естественно (?) происходитъ безконечное
„дробленіе мыслей“. Что же касается языка, то его искусствен-
ность, вычурность, выпренность, такъ сказать, его аристо-
кратизмъ также есть слѣдствіе неправильнаго пониманія нрав-
ственности: „проповѣдники, не видя въ добродѣтели высшаго
блага, не старались приблизить ее къ сознанію и сердцу слу-
шателей“, а заботились болѣе о томъ, чтобы „отдалить ее
отъ пониманія, какъ нѣчто... аристократическое“ (стр. 103—
104), не для всѣхъ одинаково доступное. Въ заключеніи (стр.
105—118) о. Леонтія повторяетъ свой взглядъ на „нравствен-
ное жизнепониманіе“ южнорусскихъ проповѣдниковъ и закан-
чиваетъ небольшими замѣчаніями о томъ, что и у лучшихъ
нашихъ проповѣдниковъ конца 18-го и начала 19 вѣка мы
находимъ слѣды этого католическаго „жизнепониманія“, поче-
му и ихъ проповѣди часто схоластичны и безжизненны.

Главный недостатокъ сочиненія о. Леонтія составляетъ
слабая обоснованность, граничащая по мѣстамъ съ голо-
лословностью, общаго положенія его относительно „нравствен-
наго жизнепониманія“ южнорусскихъ проповѣдниковъ 17 и 18
в. Такъ какъ это положеніе высказывается авторомъ впервые,
то ему слѣдовало бы заняться самымъ обстоятельнымъ дока-
зательствомъ его и для сего сосредоточить свое вниманіе на
конкретномъ выясненіи внутренняго характера церковнаго пропо-
вѣдничества изучаемаго имъ періода. Между тѣмъ онъ какъ бы
избѣгаетъ этой кропотливой, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересной
работы, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ планомъ сочиненія вынужда-
ется брать ее на себя, выполняетъ ее не совсѣмъ удовлетво-
рительно. Такъ, для доказательства основной своей мысли онъ
говоритъ о „конечной цѣли“, какую преслѣдовали южнорус-
скіе проповѣдники, а кому неизвѣстно, что „конечная цѣль“
въ проповѣди—нѣчто трудно уловимое, гораздо лучше было
бы привести въ извѣстность тѣ предметы, о которыхъ про-

повѣдники чаще всего говорятъ, и затѣмъ остановиться на гомилетическихъ способахъ уясненія ихъ съ церковной каѳедры. Далѣе, свою основную мысль онъ не столько выводитъ изъ наблюдений надъ бывшимъ у него подъ руками гомилетическимъ матеріаломъ, сколько подводитъ подъ этотъ матеріалъ, какъ нѣчто извнѣ данное. Наконецъ, онъ вращается въ очень ограниченномъ кругѣ гомилетическихъ памятниковъ: если Іоанникій Голятовскій, Лазарь Барановичъ и Антоній Радивилловскій, повидимому, изучены авторомъ во всемъ объемѣ ихъ проповѣдническихъ сборниковъ, то Симеонъ Полоцкій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Димитрій Ростовскій извѣстны ему только по гомилетическимъ хрестоматіямъ. Кромѣ всего этого, о. Леонтій очевидно впадаетъ въ преувеличеніе, когда каждую частность въ южнорусской проповѣди готовъ разсматривать подъ угломъ зрѣнія своего взгляда на нравственный идеалъ южноруссовъ, не говоря уже о томъ, что имъ высказано не мало такихъ парадоксальныхъ положеній, которыхъ никакъ невозможно оправдать. Изложеніе его страдаетъ многими неправильностями и неточностями.

Впрочемъ, работа о. Леонтія имѣетъ и свои достоинства. Прежде всего, вопросу объ южнорусской проповѣди авторъ даетъ новую постановку. Не удовлетворяясь общепринятою характеристикою этой проповѣди, онъ пытается разгадать ея внутреннее существо и отыскать источники, которыми питалась схоластическая гомилетика. Съ этою цѣлью онъ останавливается на мысли, нѣтъ ли органической связи между общимъ духомъ католичества и особенностями южнорусской проповѣди. Конечно, существованіе такой связи ему не удалось доказать вполне убѣдительно, но онъ работалъ безъ предшественниковъ, самостоятельно и сумѣлъ все таки поставить вопросъ, а это далеко не маловажно. Затѣмъ, онъ обнаружилъ въ своей работѣ пониманіе духа православнаго ученія о нравственности и любовь къ святоотеческимъ твореніямъ. Хотя его сочиненіе не богато внѣшнею эрудиціею,

тѣмъ не менѣе чувствуется, что много имъ продумано и изучено. Обнаруживаетъ авторъ также начитанность и въ русской проповѣднической литературѣ, и если онъ не пользуется своею начитанностью такъ, чтобы она сразу бросалась въ глаза, то—думается—это произошло отъ того, что слишкомъ много времени употребилъ онъ на выясненіе основной мысли своего сочиненія.

По всему этому я нахожу возможнымъ признать трудъ о. Леонтія удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

19) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго о сочиненіи студента *Михаила Лопуховскаго* на тему: „Идея свободнаго воспитанія въ Россіи“.

„Въ послѣдніе годы въ русской педагогической литературѣ особенно ярко выдвинулось одно направленіе—стремящееся къ детальной разработкѣ, уясненію и распространенію принципа *свободы* въ воспитаніи. Мы видимъ, какъ издается, главнымъ образомъ въ Москвѣ, цѣлая обширная серія книгъ и брошюръ, въ которыхъ то специально, то между прочимъ, такъ или иначе выдвигается все одна и таже идея—„свободнаго воспитанія“. Съ этою цѣлью, во—первыхъ, переводится на русскій языкъ все, наиболѣе рельефно выражающее эту идею на Западѣ; во-вторыхъ, предпринимается, подъ общимъ заглавіемъ „Свободное воспитаніе и образованіе“, обширное изданіе, въ которомъ въ формѣ отдѣльных выпусковъ печатаются посвященные той же идеѣ педагогическіе трактаты русскихъ авторовъ; наконецъ, разработкѣ и распространенію той же идеи служить специальный журналъ „Свободное воспитаніе“.

Такой интересъ къ этой идеѣ, породившій цѣлое педагогическое направленіе (кой гдѣ проводящееся уже и на практикѣ), заслуживаетъ, конечно, особаго вниманія. Не только желательна, но и прямо необходима правильная критическая

оцѣнка этой идеи—по ея существу и въ тѣхъ формахъ, какія приняла у насъ въ настоящее время. Кандидатская работа студента М. Лопуховскаго, имѣющая въ виду именно эту конечную цѣль изслѣдованія даннаго вопроса, направляется къ ней *историческимъ* путемъ. Естественно возникаетъ вопросъ: насколько нова у насъ въ Россіи эта идея свободного воспитанія. Были ли стремленія къ уясненію и практическому осуществленію ея раньше и если были, то въ какихъ формахъ проявлялись они: какія стадіи развитія проходила эта идея въ Россіи? Такимъ образомъ, самъ собою намѣчается именно историческій, точнѣе—историко-критическій методъ изслѣдованія предмета. Его и избралъ М. Лопуховскій.

Слѣдить подробно за содержаніемъ разсматриваемаго обширнаго труда, состоящаго изъ „введенія“, 16 главъ изслѣдованія, „заключенія“ и приложений“ (стр. XI+586+I.XXVI), не буду; къ тому же авторъ самъ даетъ подробный конспектъ его (стр. III—XI). Понимая идею свободного воспитанія широко, именно—включая въ нее все, такъ или иначе направляющееся къ „освобожденію ребенка“, въ смыслѣ облегченія естественнаго процесса всесторонняго развитія его, авторъ начинаетъ свое историческое обозрѣніе съ эпохи Петра Великаго, предпославъ ей общую характеристику предшествовавшаго времени. Всю исторію вопроса до настоящаго времени онъ дѣлитъ на два періода, при чемъ раздѣлительною гранью ставитъ 80—90 е годы XVIII-го вѣка (эпоху французской революціи). Первый періодъ обслѣдованъ болѣе подробно: авторъ старается уяснить именно эволюцію идеи свободного воспитанія за это время. Второй періодъ, по недостатку времени, разработанъ менѣе детально, хотя все же и здѣсь и историческая и идейная стороны вопроса выдвинуты и обслѣдованы въ значительной степени, особенно вторая, наиболѣе интересовавшая въ этомъ періодѣ автора, стремившагося уяснить „положеніе идеи свободного воспитанія въ ряду другихъ про-

грессивно-освободительных педагогических направлений“ настоящего времени (стр. 15).

Существеннѣйшимъ положеніемъ, которое устанавливаетъ и провѣряетъ историческимъ анализомъ авторъ, является слѣдующее: „въ Россіи эта идея, если брать ее по частямъ, далеко не нова. Еще Радищевъ высказалъ ее почти во всей полнотѣ“ (стр. 13). Въ частности, авторъ находитъ четыре фазы развитія этой идеи или четыре типа ея, проявившіеся уже въ первомъ періодѣ, т. е. въ XVIII вѣкѣ. Это, во первыхъ, какъ бы первые проблески свободного воспитанія, выразившіеся въ стремленіи облегчить ребенку усвоеніе сообщаемого ему учебно-воспитательнаго матеріала, помочь ему въ этомъ, смягчить мѣры воздѣйствія. Къ этому типу принадлежали Даниловъ, большинство членовъ Комиссіи народныхъ училищъ 1782 г., Янковичъ де-Миріево, Шаденъ и Шварцъ въ Московскомъ университетѣ. Но здѣсь еще нѣтъ идеи „самоопредѣляемости“ ребенка—совершенно ли свободной или хотя бы внушенной. Этотъ послѣдній видъ ея и составляетъ характерную черту дальнѣйшей стадіи въ эволюціи идеи свободного воспитанія. Это, какъ называетъ его авторъ, „quasi—свободное воспитаніе“, когда питомецъ не чувствуетъ насилія и „какъ бы“ самъ, свободно направляется къ цѣли, которая между тѣмъ становится для него воспитателемъ. Въ XVIII вѣкѣ Ломоносовъ, С. Волчковъ, Панинъ, Порошинъ, митроп. Платонъ (Левшинъ), Симонъ Лаговъ, Бецкій, Екатерина П и м. др. являются, по мнѣнію автора, выразителями идеи именно такого „quasi—свободнаго“ воспитанія. Іезуитизмъ и по необходимости особая, искусственно создаваемая, „тепличная“ обстановка воспитанія—вотъ характерныя отрицательныя черты этого направления.

На слѣдующей 3-ей стадіи идея свободного воспитанія выражается полнѣе: воля питомца не стѣсняется нарочитыми побужденіями со стороны воспитателя; онъ свободно стремится къ цѣли, которая ставится воспитателемъ лишь въ та-

кое освѣщеніе, что сама привлекаетъ питомца. И здѣсь играетъ огромную роль окружающая обстановка. Авторъ указываетъ на Новикова и Прокоповича-Антонскаго, какъ на представителей этого направленія. Наконецъ, послѣдній 4-й типъ представляетъ уже полное примѣненіе въ воспитаніи принципа свободы, когда воспитатель не считаетъ за собою права „вліять на ребенка по-своему“ и задачу свою ставитъ лишь въ томъ, чтобы „ничего не предлагая питомцу самъ“, „стараться удовлетворить всѣ возникающія у него потребности“, „помочь ребенку опредѣлить себя, развить свои силы“ (стр. 443—444). Выразителями этого крайняго направленія въ XVIII вѣкѣ авторъ считаетъ Г. С. Сковороду и Радишева.

Установивъ такую градацію въ постепенномъ раскрытіи идеи свободы въ воспитаніи во всемъ ея объемѣ, авторъ находитъ тѣ же четыре типа или направленія и въ настоящее время, стараясь уяснить отношенія и различія между педагогическими направленіями „Вѣстника воспитанія“, Льва Толстого, Горбунова—Посадова, Чехова и, наконецъ, Вентцеля—яркаго представителя идеи въ самой крайней формѣ ея.

Не вдаваясь въ подробный разборъ этого основного тезиса въ разсматриваемомъ сочиненіи—съ цѣлью уясненія правильности или ошибочности распредѣленія различныхъ представителей идеи свободнаго воспитанія, на которыхъ указываетъ авторъ по группамъ, я считаю нужнымъ отмѣтить что самое установленіе такой именно четырехчастной классификаціи не вполне твердо обосновано въ сочиненіи. Напр., между вторымъ и третьимъ направленіями, какъ опредѣлены они здѣсь, мы не видимъ яснаго существеннаго различія. Равнымъ образомъ, не совсѣмъ яснымъ представляется и характерный признакъ 4-го направленія—отсутствіе у воспитателя права даже предлагать питомцу чтобы то ни было: кто же въ такомъ случаѣ имѣетъ право или долженъ предлагать матеріалъ для развитія питомца, и не будутъ ли тѣ, кто предлагаетъ таковой, дѣйствительными воспитателями его? Недостаточно

обоснованнымъ является въ сочиненіи и признаніе авторомъ раскрытія идеи свободнаго воспитанія въ XVIII вѣкѣ до тѣхъ крайнихъ формъ, въ какихъ представлена она въ настоящее время. Однако, отмѣчая эти недочеты, скорѣе, неясности въ разсматриваемомъ трудѣ, я склоненъ относить ихъ лишь къ неполной законченности въ обслѣдованіи и разработкѣ подлежащаго разсмотрѣнію очень сложнаго матеріала, и это тѣмъ болѣе, что тѣ формы, въ которыхъ выражалась и выражается въ настоящее время идея свободнаго воспитанія, далеко не всегда имѣютъ характеръ желательной ясности, отчетливости. Напротивъ, достигая крайнихъ предѣловъ своего развитія, идея эта расплывается уже, какъ, напр., у Вентцеля, въ нѣчто туманное и не вполне понятное. Надъ этимъ вопросомъ М. Лопуховскій потрудился много, и то, что дано въ его сочиненіи, представляетъ въ исторіи педагогическаго большаго интереса и не малую цѣнность.

Можно указать, далѣе, на нѣкоторыя излишнія подробности, въ которыя вдается иногда авторъ при обслѣдованіи отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи разсматриваемаго имъ вопроса. Это особенно бросается въ глаза, напр., въ его главахъ о педагогической дѣятельности Бецкаго. Причину послужило выдѣленіе въ особую главу методологической части этой педагогическаго, при чемъ по необходимости пришлось возвращаться назадъ и повторять уже сказанное раньше.

Наконецъ, недочетомъ даннаго труда является и его незаконченность—въ смыслѣ отсутствія въ немъ той *обстоятельной* критической оцѣнки идеи свободнаго воспитанія (и особенно—послѣдней, крайней формы ея), которая здѣсь столь желательна. Однако, самъ авторъ во „введеніи“ оговариваетъ себѣ право ограничиться въ настоящемъ трудѣ своимъ, въ виду обширности матеріала и недостаточности времени, лишь „приблизительною“ оцѣнкою идеи свободнаго воспитанія, оставляя детальную разработку этой стороны вопроса до предполагаемой имъ 2-й части сочиненія. Постановка вопроса, методъ

исслѣдованія и уясненія его, качества работы въ томъ видѣ, въ какомъ представлена она теперь,—все это побуждаетъ насъ пожелать, чтобы благія намѣренія автора увѣнчались скорымъ и успѣшнымъ осуществленіемъ.

Въ настоящемъ объемѣ своемъ диссертация М. Лопуховскаго представляетъ весьма интересный трудъ, живо изображающій историческую картину развитія у насъ въ Россіи идеи „свободнаго воспитанія“. Написано сочиненіе хорошимъ, почти безукоризненно-литературнымъ языкомъ, на основаніи изученія предмета по источникамъ и при помощи обширѣйшей относящейся сюда литературы. Въ „Приложеніяхъ“ старательно собрана библіографія вопроса, включающая 715 названій книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей за XVIII, XIX и XX в.в., такъ или иначе касающихся идеи свободнаго воспитанія, въ широкомъ пониманіи ея. Есть здѣсь кой что и мало къ данному вопросу относящееся, однако, во всякомъ случаѣ библіографія эта имѣетъ свою цѣнность: уже этимъ авторъ облегчаетъ путь къ дальнѣйшей разработкѣ того, чего не удалось закончить ему въ настоящемъ его трудѣ.

Отъ начала и до конца сочиненіе читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, невольно склоняя къ грустнымъ мыслямъ о той пропасти, какая отдѣляетъ педагогическій идеалъ отъ дѣйствительности, столь старыя прекрасныя мечты о воспитаніи „свободномъ“, въ разумномъ христіански-педагогическомъ смыслѣ этого слова, отъ тѣхъ уродливыхъ формъ и условій, въ какихъ часто совершается оно на практикѣ теперь.

Полагаю, что право студента М. Лопуховскаго на получение за свое сочиненіе кандидатской степени послѣ всего вышесказаннаго не можетъ подлежать сомнѣнію“.

20) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова о сочиненіи студента священника *Тимофея Лященко* на тему: „Жизнь св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго“.

„Обширное сочиненіе священника Тимофея Лященко состоитъ изъ трехъ частей. Первую часть его образуетъ „вве-

деніе“ (стр. IX—XLI), содержащее въ себѣ опредѣленіе задачи сочиненія и обзорѣніе источниковъ и пособій, коими авторъ пользовался при составленіи своего ученаго настоящего труда. Задачу своего сочиненія авторъ полагаетъ въ описаніи жизни и дѣятельности св. Кирилла Александрійскаго, опирающемся на самое тщательное изученіе первоисточниковъ и критическое выясненіе научной цѣнности всѣхъ, до послѣдняго времени появившихся, изслѣдованій о названномъ св. отцѣ. Затѣмъ, онъ предлагаетъ обзорѣніе источниковъ и пособій. Общія свои сужденія о нихъ, высказанныя во введеніи, онъ подробнѣе раскрываетъ уже въ самомъ изслѣдованіи о Кириллѣ Александрійскомъ.

Вторая, и при томъ самая обширная по объему и самая важная по содержанію, часть сочиненія свящ. Лященко есть собственно изслѣдованіе о св. Кириллѣ. Оно раздѣлено на пять главъ, въ которыхъ весьма подробно, при широкомъ примѣненіи здоровой критики изслѣдуются: 1) жизнь св. Кирилла до вступленія его на архіерейскую кафедру (гл. I, стр. 1—135); архіепископское служеніе св. Кирилла до несторіанскихъ споровъ (гл. II, 137—280); 3) дѣятельность св. Кирилла отъ начала несторіанскихъ споровъ и до Ефесскаго собора (гл. III, 281—446); 4) дѣятельность св. Кирилла на Ефесскомъ соборѣ (гл. IV, 447—596); 5) уніа съ восточными и послѣдніе годы жизни св. Кирилла (гл. V, 597—742).

Третью и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднюю часть сочиненія представляетъ собою „заключеніе“ (743—764), въ которомъ авторъ говоритъ объ общецерковномъ значеніи св. Кирилла, о сужденіяхъ современниковъ и послѣдующихъ писателей о Кириллѣ и пр.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе сочиненія свящ. Т. Лященко.

Уже изъ сказаннаго объ этомъ сочиненіи видно, что оно, нося скромное названіе „Жизнь св. Кирилла“, представляетъ собою ученое критико-библіографическое изслѣдованіе о св.

Кириллѣ, обладающее слѣдующими высокими качествами. 1) Ни въ богословской ученой литературѣ на Западѣ, ни въ русской нѣтъ полной, детально разработанной и безпристрастной монографіи о св. Кириллѣ, обнимающей всѣ многоразличныя стороны его дѣятельности. Удачный опытъ составленія подобной монографіи представляетъ собою настоящий трудъ свящ. Лященко, отличающійся полнотою и всесторонностью изслѣдованія всѣхъ фактовъ, относящихся къ жизни и дѣятельности св. Кирилла Александрійскаго. 2) Борьба съ нестоіанствомъ сопровождалась большою страстностію. Защитники этой ереси и противники ея не щадили другъ друга. Неудивительно, что дѣятельность св. Кирилла, стоявшаго въ центрѣ этой борьбы, подверглась злостному перетолкованію со стороны недоброжелателей его,—современныхъ ему и послѣдующихъ историковъ и изслѣдователей. Для очищенія фактовъ, относящихся къ жизни и дѣятельности св. Кирилла, отъ клеветы необходимо было въ широкихъ размѣрахъ воспользоваться критикой. И авторъ отвелъ ей въ своемъ сочиненіи подобающее мѣсто, сообщивъ ему характеръ историко-критической работы. 3) Но историческая критика имѣетъ цѣнность только тогда, когда она утверждается на тщательномъ изученіи и знаніи первоисточниковъ. Каждая страница сочиненія свящ. Лященко можетъ служить доказательствомъ того, что авторъ его обладаетъ такимъ знаніемъ ихъ. Но онъ сдѣлалъ нѣчто большее. Ученые изслѣдователи, особенно нѣмецкіе раціоналисты, часто свои рѣзкія сужденія о св. Кириллѣ утверждаютъ на неточныхъ, а иногда и тенденціозныхъ переводахъ первоисточниковъ. Для открытія правды авторъ вынуждался свѣрять и провѣрять латинскіе, нѣмецкіе и русскіе переводы. 4) Наконецъ, произведенное авторомъ переизслѣдованіе документовъ и фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ жизни св. Кирилла, дало важные въ научномъ отношеніи результаты; ему, напр., удалось установить хронологическую послѣдователь-

ность событий, относящихся къ борьбѣ Кирилла съ несторіанствомъ.

Указанныя высокія ученыя качества разсмотрѣннаго сочиненія даютъ автору его полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

21) Экстраординарнаго профессора В. Экземплярскаго о сочиненіи студента *Сергія Мурашева* на тему: „Заповѣдь Христа Спасителя о непротивленіи злу или злему и положеніе этой заповѣди въ общей системѣ христіанскаго нравовъченія“.

„Сочиненіе г. Мурашева состоитъ изъ двухъ частей изслѣдованія, при чемъ каждая часть имѣетъ нѣсколько главъ, краткаго введенія и заключенія. Въ первой части своего труда авторъ главное вниманіе обращаетъ на установленіе истиннаго смысла словъ Христа Спасителя о непротивленіи злу. Соотвѣтственно такой задачѣ первой части, авторъ начинаетъ ее главою, посвященной филологическому разбору евангельскаго текста. Во второй главѣ г. Мурашевъ излагаетъ исторію пониманія заповѣди о непротивленіи злу въ различныхъ направленіяхъ христіанской богословской мысли. Эта глава очень бѣгло касается пониманія заповѣди вселенскою Церковію и болѣе подробно останавливается на ошибочныхъ ея толкованіяхъ въ позднѣйшее время въ различныхъ христіанскихъ сектахъ и въ ученіи отдѣльных мыслителей (В. Гаррисонъ и А. Балу), при чемъ особенно подробно излагаетъ взглядъ графа Л. Н. Толстого на эту заповѣдь въ связи съ общей системой его міросозерцанія. Въ этой же главѣ г. Мурашевъ подвергаетъ обстоятельной и основательной критикѣ воззрѣнія графа Толстого и этимъ критическимъ путемъ подготавливаетъ почву для установленія истиннаго смысла анализируемой имъ заповѣди Христа Спасителя. чему и посвящаетъ третью главу первой части своего труда, утверждаясь въ этомъ случаѣ на библейскомъ и святоотеческомъ ученіи, умѣло пользуясь и трудами нашей русской богословской мысли. Этою главою закан-

чивается первая часть авторского труда. Во второй его части г. Мурашевъ ставитъ себѣ задачу опредѣлить съ возможною научною точностію, какое значеніе имѣетъ заповѣдь о непротивленіи злу въ системѣ христіанскаго нравоученія. Отмѣтивъ въ первой главѣ второй части, что основнымъ началомъ христіанской жизни должна являться любовь, авторъ, отступая нѣсколько отъ прямого выполненія поставленной себѣ задачи, подвергаетъ критикѣ моральную систему гр. Толстого, въ особенности его ученіе о безличной любви, и доказываетъ, что этимъ несостоятельнымъ ученіемъ объясняется то преувеличенное значеніе, какое гр. Толстой стремится усвоить частной заповѣди Христа Спасителя. Въ противоположность такому ошибочному взгляду, авторъ въ 3-ей главѣ устанавливаетъ христіанскій взглядъ на отношеніе заповѣди о непротивленіи злу къ любви, какъ всеобъемлющему началу жизни, и частице поясняетъ это отношеніе въ главѣ 4-ой, гдѣ авторъ отмѣчаетъ неразрывную связь любви христіанской со справедливостію, и въ 5-ой, гдѣ подробно говорится о тѣхъ средствахъ и способахъ противодѣйствія злу, какіе указываются Господомъ въ связи съ его заповѣдію о непротивленіи злу.

Сочиненіе г. Мурашева представляется мнѣ хорошей кандидатской работой. Конечно, оно не лишено существенныхъ недочетовъ съ научно-критической точки зрѣнія, но эти недочеты отступаютъ на задній планъ сравнительно съ несомнѣнными достоинствами авторскаго труда. Послѣдній не имѣетъ достоинства труда самостоятельнаго и, слѣдовательно, не представляетъ выдающейся научной цѣнности. Авторъ даже не любитъ говорить за свой страхъ и совѣсть, но всегда почти старается утвердить свои взгляды указаніемъ на согласіе ихъ съ извѣстнымъ богословскимъ авторитетомъ, при чемъ въ числѣ такихъ авторитетовъ встрѣчаются имена вовсе не авторитетныя. Въ собственныхъ сужденіяхъ автора замѣчается большая осторожность, и по своимъ воззрѣніямъ авторъ при-
мыкаетъ къ той группѣ нашихъ моралистовъ, которые стре-

мятся согласить идеальныя требованія Евангелія съ дѣйствительными задачами христіанской наличной жизни. Соотвѣтственно такой постановкѣ, для автора центръ тяжести должна была представлять глава о связи любви со справедливостію въ христіанскомъ міровоззрѣніи, какъ основаніе для ученія о необходимости противодѣйствія злу различными способами. Однако, это одна изъ наиболѣе необоснованныхъ главъ авторскаго труда. Слишкомъ, наконецъ, много вниманія авторъ удѣлилъ и воззрѣніямъ г. Толстого, хотя не безъ пользы для положительнаго уясненія своего вопроса. Таковъ недочетъ труда г. Мурашева. Достоинства его, однако, какъ я сказалъ выше, вполнѣ искупаютъ эти недочеты. Внѣшняя сторона сочиненія почти безукоризненна. Авторъ пишетъ легко, безъ многословія, мысли свои выражаетъ ясно и точно. Планъ сочиненія, при нѣкоторыхъ частныхъ недочетахъ, обнимаетъ тему во всей полнотѣ и авторъ разсматриваетъ предметъ своего изслѣдованія въ разностороннемъ освѣщеніи. Сужденія г. Мурашева представляются серьезно обоснованными и защищаемыя имъ положенія, имѣющія самое важное значеніе въ системѣ христіанской этики, раскрыты полно и обстоятельно. Вообще сочиненіе г. Мурашева представляетъ трудъ законченный и хорошо обработанный“.

22) Экстраординарнаго профессора П. Кулрявцева о сочиненіи студента *Василія Никольскаго* на тему: „Отношеніе Гартмана къ христіанству“.

„Помимо введенія, въ которомъ авторъ выясняетъ значеніе избраннаго имъ предмета и задачи своего изслѣдованія, сочиненіе состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой главѣ авторъ даетъ краткій обзоръ западной философіи отъ Канта до Гартмана, обращая вниманіе больше на логическое взаимоотношеніе между философскими системами этого періода, нежели на ихъ историческій генезисъ. Во второй главѣ излагается ученіе Гартмана о Богѣ въ связи съ уясненіемъ самыхъ основъ его

философіи, какъ „философіи безсознательнаго“; въ третьей и четвертой—взглядъ Гартмана на христіанство, точнѣе—на личность и ученіе Христа (гл. III) и на отношеніе христіанства къ культурѣ и жизни (гл. IV); въ послѣдней главѣ идетъ рѣчь о той „религіи духа“, которой Гартманъ думалъ бы замѣнить въ будущемъ доселѣ существующія религіи, въ частности христіанство.

Въ предѣлахъ каждой отдѣльной главы изложеніе взглядовъ Гартмана сопровождается критическими замѣчаніями автора, которыя, занимая въ общей сложности не меньше половины сочиненія, иногда даже заслоняютъ собою очертанія разсматриваемаго ученія. Въ особенности это нужно сказать о послѣдней главѣ, гдѣ читатель найдетъ много цѣнныхъ мыслей направленныхъ противъ Гартмана, но откуда онъ едва ли вынесетъ опредѣленное представленіе о гартмановской „религіи духа“. Было бы, думается намъ, лучше, если бы авторъ критику ученія Гартмана обособилъ отъ его изложенія: тогда и ученіе Гартмана и направленная противъ него критика автора выступали бы передъ сознаніемъ читателя съ большей цѣлностью и законченностью; легче бы было тогда опредѣлить и удѣльный вѣсъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается у автора и изложеніе и критика. Но если бы и оставить принятый авторомъ способъ изложенія, то и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ, конечно, выступать съ критическими замѣчаніями прежде, чѣмъ будетъ уясненъ подлежащій критикѣ пунктъ извѣстнаго ученія. Независимо отъ сказаннаго, изложеніе взглядовъ Гартмана, данное въ сочиненіи, слѣдуетъ признать правильнымъ, а критическія замѣчанія—вѣрными и цѣнными.

Въ матеріальномъ отношеніи сочиненіе автора нельзя признать исчерпывающимъ предметъ изслѣдованія, какъ это уже отчасти видно изъ предыдущаго. Авторъ не успѣлъ изучить съ одинаковою обстоятельностью всѣхъ сочиненій Гартмана, имѣющихъ отношеніе къ его темѣ, и потому вынужденъ былъ прибѣгать иногда—вмѣсто первоисточниковъ—къ посо-

біямъ. Много обязанъ авторъ хорошимъ пособіямъ и критической стороною своего сочиненія. Въ томъ и другомъ случаѣ поссбія, сослужившія службу автору, точно имъ указываются, а заимствованный изъ нихъ матеріалъ тщательно обрабатывается. Хорошее изложеніе вообще слѣдуетъ признать большимъ достоинствомъ рецензируемаго сочиненія: чуждый фразерства, авторъ излагаетъ свои мысли съ замѣчательною раздѣльностью, простотою и ясностью. Тонъ изложенія—спокойный и серьезный. Можетъ быть, я лучше всего охарактеризовалъ бы манеру изложенія у автора, если бы сказалъ, что такое изложеніе было бы самымъ подходящимъ въ толковомъ учебникѣ.

Научная правоспособность и богословская зрѣлость автора—внѣ сомнѣнія“:

23) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева о сочиненіи студента *Владимира Никольскаго* на тему: „Стоглавый соборъ 1551 года“.

„Стоглавъ—знаменитый памятникъ XVI вѣка—былъ предметомъ горячихъ споровъ между учеными. Было время, когда отрицалось самое существованіе Стоглаваго собора, а затѣмъ долго отрицалась подлинность списковъ Стоглава, а отсюда каноническое значеніе находящихся въ нихъ, якобы искаженныхъ, соборныхъ опредѣленій. Причина—отсутствіе подлинныхъ дѣяній собора, существованіе нѣсколькихъ редакцій Стоглава и занесеніе въ нихъ постановленій, благопріятствующихъ старообрядчеству. Послѣднее обстоятельство сильно смущало нашихъ расколовѣдовъ и служило для нихъ большимъ камнемъ преткновенія при сужденіяхъ объ означенномъ памятникѣ. Остаются не разрѣшенными нѣкоторые вопросы о немъ и до настоящаго времени.

Г. Никольскій въ довольно обширномъ предисловіи къ своему изслѣдованію, выяснивъ современное положеніе вопро-

са по трактуемому имъ предмету, такъ опредѣляетъ задачу своего труда.

„Мы—говорить онъ—не подходимъ къ изученію Стоглава съ желаніями и запросами, подсказанными полемической тенденціей. Мы совершенно оставили въ сторонѣ мысль о томъ, что этотъ знаменитый памятникъ древне-русской письменности издавна составляетъ у насъ предметъ противорѣчивыхъ сужденій и порою весьма оживленныхъ споровъ, въ значительной степени обязанныхъ своей остротой тому обстоятельству, что рѣшеніе возбуждаемыхъ въ этомъ случаѣ историко-литературныхъ вопросовъ нерѣдко осложняется интересами противораскольнической полемики. Мы осмѣливаемся причислить свой трудъ къ категоріи объективныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій о Стоглавомъ соборѣ и Стоглавѣ. *Цѣль настоящаго сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы показать—подъ вліяніемъ какихъ историческихъ обстоятельствъ вырабатывались извѣстные намъ нынѣ постановленія Стоглаваго собора*“.

Намѣченную задачу авторъ выполняетъ съ большимъ успѣхомъ.

Соотвѣтственно выясняемымъ имъ обстоятельствамъ, оказавшимъ вліяніе на соборныя опредѣленія, онъ раздѣляетъ свое изслѣдованіе на *четыре* главы

Такъ какъ прежде всего соборныя опредѣленія вызывались потребностями времени, стояли въ тѣсной связи съ тогдашнею церковно-общественною жизнью, то въ *первой главѣ* авторъ даетъ сжатый, но яркій и опредѣленный очеркъ состоянія русской Церкви и русскаго общества въ эпоху, предшествовавшую Стоглавому собору (отъ половины XV до половины XVI стол.).

Въ видахъ большаго удобства и ясности глава эта разбита на три самостоятельныхъ отдѣла, при чемъ въ первомъ трактуется о состояніи богослуженія и церковныхъ уставовъ; во второмъ—о черномъ и бѣломъ духовенствѣ, о церковномъ

судъ и управленіи, о монашествѣ; въ третьемъ—о нравахъ и обычаяхъ тогдашняго общества.

Затѣмъ, такъ какъ изъ дѣяній Стоглаваго собора узнаемъ, что починъ мѣропріятій, касавшихся непосредственно Церкви и церковнаго благочинія, принадлежалъ царю и извѣстно, что представленія Іоанна Грознаго о себѣ, какъ православномъ царѣ, вмѣняли ему заботы о Церкви еще въ большей степени, чѣмъ о государствѣ, и что молодой государь былъ искренно и сильно проникнутъ сознаніемъ этой важной обязанности,— авторъ вторую главу посвящаетъ выясненію сложнаго вопроса объ участіи царя Іоанна Васильевича Грознаго и его „избранной рады“ въ дѣлѣ Стоглаваго собора.

Въ третьей главѣ говорится о составѣ собора и сообщаются свѣдѣнія объ его членахъ. Значеніе послѣднихъ (свѣдѣній) обусловливается тѣмъ, что на постановленіяхъ собора должны были отразиться и дѣйствительно отразились характерныя черты его участниковъ: особенности ихъ воззрѣній, складъ ихъ образа мыслей и духовнаго направленія, нравственныя и государственныя стремленія, а также ихъ партійность. Послѣдняя имѣла особенно важное значеніе при соборныхъ разсужденіяхъ о вопросахъ финансовыхъ и государственно-финансовыхъ. Можно сказать, что внутренняя исторія Стоглаваго собора есть исторія взаимодѣйствія и борьбы противоположныхъ воззрѣній двухъ соборныхъ партій—іосифлянъ и нестяжателей. Преобладаніе той или другой опредѣляло и характеръ исправленій на Стоглавомъ соборѣ.

Въ четвертой, небольшой по объему, главѣ говорится объ участіи въ дѣяніяхъ собора бывшаго митрополита Іосифа и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (меньшинства).

Сочиненіе заканчивается заключеніемъ, гдѣ, во 1-хъ, подводятся *итоги*, а затѣмъ излагаются обстоятельныя замѣчанія о томъ, какими источниками пользовался Стоглавый соборъ въ своихъ постановленіяхъ, т. е., на какихъ каноническихъ,

церковно-юридическихъ и историческихъ данныхъ (правилахъ) опирался онъ въ своихъ опредѣленіяхъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе рассмотрѣннаго мною сочиненія г. Никольскаго.

Сочиненіе это рѣзко выдѣляется изъ ряда писанныхъ мнѣ въ этомъ, да и въ предшествовавшіе годы кандидатскихъ диссертаций по своимъ выдающимся достоинствамъ. Оно свидѣтельствуешь объ авторѣ, какъ очень талантливомъ юношѣ съ прочными задатками будущаго хорошаго ученаго. Ясное, свѣтлое мышленіе, основательная критика, умѣнье схватить существенныя стороны предмета и изложить свои мысли языкомъ вполне литературнымъ—таковы рѣдко, особенно совмѣстно, встрѣчаемыя въ кандидатскихъ сочиненіяхъ качества труда нашего автора.

Не смотря на это или, лучше сказать, именно поэтому я не совѣтовалъ бы автору спѣшить съ печатаніемъ своей работы (чего она вполне заслуживаетъ). Иногда и хорошему сочиненію не мѣшаетъ нѣкоторое время полежать въ письменномъ столѣ. Встрѣчаются у автора, по недостатку данныхъ, вы оды характера предположительнаго. Они хороши, но зачастую и хорошія предположенія могутъ быть замѣняемы лучшими. Это первое. А затѣмъ возможны улучшенія детальныя. Для примѣра укажу на одну изъ такихъ деталей.

На стр. 89 авторъ говоритъ: „Сохранилось *непререкаемое* (курсивъ нашъ) свидѣтельство, что въ первой половинѣ XV вѣка у насъ, какъ и въ Греціи, употреблялись два различныхъ перстосложенія; одно для благословенія, а другое для крестнаго знаменія. Въ Степенной книгѣ, пересмотрѣнной и дополненной подъ непосредственнымъ руководствомъ самого м. Макарія, и даже по списку ея, писанному еще при его жизни, два раза изложенъ рассказъ о митрополитѣ Фотіи (1410—1431 г.), посѣтившемъ Симоновскую обитель и увидѣвшемъ здѣсь спавшаго инока Іону со сложенной рукой, „яко благословляше его“. Слѣдовательно, перстосложеніе святительское и іерейское для

благословенія отличалось тогда отъ перстосложенія всѣхъ вѣрующихъ для крестнаго знаменія“.

Это издавна общепринятое толкованіе. Но вопросъ— вѣрно-ли оно?

Не думаемъ. Рѣчь идетъ не о томъ или другомъ перстосложеніи, а о необычномъ для спящаго положеніи молитвенно сложенной руки. Рука, очевидно, не лежала на груди обращенная дланью и перстами къ ней,—что было бы вполне естественно; и имѣла приподнятое положеніе съ обращеніемъ длани и перстовъ къ вошедшему м. Фотію, была въ положеніи, „яко благословляше его“... А если такъ, то какую цѣну должно имѣть означенное, якобы *непререкаемое* свидѣтельство нашего автора или, точнѣе, его въ данномъ случаѣ руководитель?“

24) Ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. Титова о сочиненіи студента *Аванасія Осинскаго* на тему: „Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій“.

„Церковная унія, окончательно введенная въ 1596 году, вызвала появленіе среди западно-русскаго общества XVII вѣка цѣлаго ряда дѣятелей, которые глубоко скорбѣли о томъ раздѣленіи, которое было слѣдствіемъ уніи, и старались принять различныя мѣры къ тому чтобы, по возможности, примирить двѣ враждующія половины западно-русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ установить нормальныя, по возможности, мирныя отношенія между православными западно-руссами и католическимъ костеломъ. Выдающееся мѣсто среди подобныхъ дѣятелей Западной Руси XVII вѣка, по справедливости, занимаетъ Мелетій Смотрицкій, бывший архіепископъ полоцкій— сначала православный и потомъ греко-уніатскій. Описаніе жизни и разносторонней дѣятельности Мелетія Смотрицкаго и посвящено разсматриваемое нами сочиненіе.“

Диссертация состоитъ, кромѣ предисловія и заключенія, изъ двухъ частей.

Въ *предисловіи* (стр. 1—XVIII) авторъ, послѣ изложенія плана своей работы, довольно подробно перечисляетъ источники и пособия, какими онъ пользовался, при написаніи своей диссертации, сопровождая перечисленіе ихъ своими критическими замѣчаніями о важнѣйшихъ изъ нихъ.

Первая часть сочиненія занята описаніемъ жизни и церковно-общественной дѣятельности архіепископа Мелетія Смотрицкаго.

Она, въ свою очередь, состоитъ изъ вступленія и пяти главъ.

Во *вступленіи* (стр. 1—24) авторъ предлагаетъ самый общій взглядъ на состояніе западно-русской православной церкви въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. ко времени выступленія на поприще церковно-общественной и литературной дѣятельности Мелетія Смотрицкаго.

Въ *главѣ первой* (стр. 25—69) излагаются біографическія свѣдѣнія о Мелетіи Смотрицкомъ до посвященія его въ санъ полоцкаго православнаго архіепископа іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ.

Въ *главѣ второй* (стр. 70—108) довольно подробно описываются обстоятельства посвященія Мелетія Смотрицкаго въ санъ полоцкаго архіепископа, въ связи съ исторіею возстановленія западно-русской православной іерархіи п. Теофаномъ въ 1620 г. и гоненій, открывшихся противъ православныхъ по поводу этого послѣдняго событія.

Въ *главѣ третьей* (109—139) авторъ, излагая исторію жизни и дѣятельности полоцкаго уніатскаго архіепископа Юсафата Кунцевича, разрѣшаетъ, между прочимъ, вопросы о степени участія Мелетія Смотрицкаго въ трагической кончинѣ Юсафата Кунцевича, равно какъ и о причинахъ, побудившихъ Мелетія Смотрицкаго отправиться въ 1623 г. на православный Востокъ.

Въ *главѣ четвертой* (стр. 140—176) говорится о путешествіи Мелетія Смотрицкаго на православный Востокъ, о впечат-

лѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ этого путешествія, возвращеніи въ Кіевъ, переходѣ въ унию, подѣ влияніемъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ какихъ онъ оказался по возвращеніи съ православнаго Востока, и, наконецъ, о попыткахъ его увлечь и другихъ православныхъ западно-русовъ на сторону униі.

Глава пятая (стр. 177—216) посвящена описанію послѣднихъ лѣтъ жизни Мелетія Смотрицкаго и общей характеристикѣ его, какъ человѣка и церковно общественнаго дѣятеля.

Вторая часть диссертациі студента А. Осинскаго имѣетъ своимъ предметомъ спеціально литературную дѣятельность Мелетія Смотрицкаго. Оно состоитъ, кромѣ вступительнаго и заключительнаго очерковъ, изъ трехъ отдѣловъ.

Здѣсь авторъ, прежде всего, даетъ общій обзоръ литературной дѣятельности Мелетія Смотрицкаго (стр. 217—238), при чемъ пытается установить съ возможною точностію количество литературныхъ произведеній, несомнѣнно принадлежащихъ Мелетію Смотрицкому, и затѣмъ, послѣ общей характеристики его литературной дѣятельности, намѣчаетъ планъ второй части своего сочиненія, гдѣ онъ намѣревается детально изслѣдовать эту сторону въ жизни Мелетія Смотрицкаго.

Въ *отдѣлѣ первомъ* (стр. 239—386) обозрѣваются сочиненія Мелетія Смотрицкаго, писанныя имъ въ періодъ его православной жизнедѣятельности (1608—1622 г.г.). Здѣсь, въ частности, подробно разсматриваются слѣдующія сочиненія Мелетія Смотрицкаго: 1) *Ἀντιγραφὴ* (стр. 245 и слѣд.); 2) *Ἐρῆνος* (стр. 260 и слѣд.); 3) *Werificatio niewinnoś'ci* (стр. 295 и слѣд.); 4) *Obrona Werificatii* (стр. 337 и слѣд.); 5) *Elenchus pism uszczypliwych*; 6) *Appendix na examen Obrony Werificatii* (стр. 363 и слѣд.) и 7) *Iustificatio niewinnoś'ci* (стр. 376 и слѣд.). Содержаніе всѣхъ поименованныхъ сочиненій Мелетія Смотрицкаго излагается и, по возможности, критически оцѣнивается авторомъ въ связи съ тѣми униатскими полемическими произве-

деніями, которыми вызывался на свой литературный подвигъ Мелетій Смотрицкій, пока онъ былъ вѣренъ св. православной церкви.

Во *второмъ отдѣлѣ* (стр. 387—444) авторъ разсматриваетъ сочиненія Мелетія Смотрицкаго, написанныя имъ послѣ перехода его въ унию, а именно слѣдующія: 1) *Apologia* (стр. 388 и слѣд.); 2) *Echaethesis* (стр. 420 и слѣд.); 3) *Protestatio* (стр. 433 и слѣд.) и 4) *Paraenesis* (стр. 438 и слѣд.).

Въ *третьемъ отдѣлѣ* (стр. 445—476) обозрѣваются плоды проповѣднической и филологической дѣятельности Мелетія Смотрицкаго, а именно: 1) Казанье на честный погребъ пречестнаго и превелебнаго... отца Леонтія Карповича (стр. 446 и слѣд.) и 2) славянская грамматика его (стр. 458 и слѣд.).

Въ *краткомъ заключеніи* (стр. 477—482) авторъ даетъ общую характеристику личности Мелетія Смотрицкаго, какъ именно представителя западно—русскаго высшаго духовенства православной церкви XVII вѣка, работавшаго (представителя) на пользу объединенія православныхъ и униатовъ, съ одной стороны, и, по возможности, православныхъ и католиковъ, съ другой стороны, и павшаго жертвою этого своего увлеченія.

Таково содержаніе диссертациі студента А. Осинскаго. Она представляетъ солидную научную работу, явившуюся результатомъ рѣдкой трудоспособности автора, обширной начитанности его и вообще весьма добросовѣстнаго отношенія его къ принятой имъ на себя задачѣ. Почти всѣ сочиненія Мелетія Смотрицкаго, изучаемыя авторомъ, написаны на польскомъ языкѣ. Чтеніе и пониманіе сочиненій, писанныхъ на семъ языкѣ, представляетъ множество затрудненій, особенно для студента. Авторъ много потрудился сначала надъ основательнымъ изученіемъ польскаго языка и потомъ надъ чтеніемъ, переводомъ и критикою литературныхъ трудовъ Мелетія Смотрицкаго. Сочиненія Мелетія Смотрицкаго почти всѣ идейнаго характера. Они писались по поводу событій, происходив-

шихъ въ жизни Западной Руси начала XVII вѣка, и разныхъ вопросовъ, волновавшихъ тогочасное западно—русское общество. Потому для пониманія сочиненій Мелетія Смотрицкаго и для посильной научно-критической оцѣнки ихъ необходимо было основательное изученіе эпохи жизни и дѣятельности Мелетія Смотрицкаго. Авторъ сдѣлалъ и это съ полною добросовѣстностію. Обстоятельства введенія церковной уніи въ Западной Руси, возстановленія православной западно-русской іерархіи іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ въ 1620 г. и др. изучены имъ во всѣхъ подробностяхъ. При этомъ изученіи событій церковно-исторической жизни Западной Руси, которыхъ касался въ своихъ сочиненіяхъ Мелетій Смотрицкій, авторъ, повидимому, усиленно заботился о томъ, чтобы не пропустить какого либо труда по даннымъ вопросамъ. Къ сожалѣнію, здѣсь онъ иногда впадаетъ въ крайность, когда, напр., свои сужденія по нѣкоторымъ вопросамъ основываетъ на сочиненіяхъ устарѣлыхъ и несвободныхъ отъ серьезныхъ ошибокъ, при существованіи капитальныхъ новыхъ научныхъ изслѣдованій. Такова, напр., крайне прискорбная историческая ошибка, допущенная авторомъ въ изложеніи исторіи Брестскаго церковнаго собора 1596 г. (стр. 21), благодаря именно тому, что онъ пользовался сочиненіемъ Маркевича, которое, по собственнымъ словамъ его, содержитъ въ себѣ „свѣдѣнія о Смотрицкомъ очень незначительныя и особеннаго интереса неимѣющія, какъ буквально заимствованныя изъ другихъ историческихъ трудовъ“ (стр. XIX). Есть въ сочиненіи и другія историческія ошибки (стр. 7, 113), которыя, впрочемъ, могутъ быть объясняемы простымъ недосмотромъ при перепискѣ сочиненія.

Встрѣчаются въ сочиненіи грамматическіе промахи (стр. 114, 263 прил.), неточныя, или неудобныя выраженія (стр. 73, 114), явныя описки (стр. 421) и ошибочныя сужденія (стр. 457).

Обзоръ литературной дѣятельности Мелетія Смотрицкаго и разборъ сочиненій его имѣютъ много хорошихъ {сторонъ.

Напр., общая оцѣнка трудовъ Мелетія Смотрицкаго со стороны языка и содержанія (стр. 476) сдѣлана авторомъ основательно и вѣрно. Нельзя не признать также весьма удачными критическихъ замѣчаній автора по поводу мнѣнія К. Студинскаго о тождествѣ Мелетія Смотрицкаго и клирика Острожскаго (стр. 230 и слѣд.). Впрочемъ, въ иныхъ мѣстахъ обзоръ сочиненій Мелетія Смотрицкаго сдѣланъ довольно поверхностно. Такъ, напр., во второмъ отдѣлѣ второй части сочиненія (стр. 387—444) замѣтно ощущается недостатокъ критическихъ замѣчаній по поводу очевидныхъ противорѣчій и непоследовательности въ сужденіяхъ Мелетія Смотрицкаго (стр. 416), или разъясненія несообразностей въ его полемическихъ пріемахъ (стр. 400 ср. 435), или, наконецъ, явно необходимыхъ объяснительныхъ примѣчаній (стр. 414).

Общая заключительная характеристика личности Мелетія Смотрицкаго сдѣлана авторомъ превосходно. Жаль только, что авторъ не воспользовался всѣмъ богатымъ запасомъ своихъ свѣдѣній и не аргументировалъ подробно своего взгляда на этого, бесспорно, замѣчательнаго и во многихъ отношеніяхъ любопытнаго церковно-историческаго дѣятеля. Самымъ важнымъ моментомъ въ жизни Мелетія Смотрицкаго было, несомнѣнно, его превращеніе изъ горячаго поборника православія въ ревностнаго защитника уніи. Автору спеціальной монографіи о Мелетіи Смотрицкомъ рѣшительно необходимо обратить вниманіе на этотъ моментъ въ жизни его и разъяснить его, по возможности, со всею обстоятельностью.

На основаніи всего сказаннаго, сочиненіе студента А. Осинскаго, какъ кандидатская диссертация, можетъ быть признано, по моему мнѣнію, весьма хорошимъ“.

25) И. д. доцента Николая Пузанова о сочиненіи студента *Семена Остроумова* на тему: „Ученіе Шеллинга о сущности и происхожденіи зла. (Историко—критическое изслѣдованіе)“.

„Задачу г. Остроумова ближайшимъ образомъ составляло критическое обслѣдованіе трактата Шеллинга „Философія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы и о связанныхъ съ этимъ вопросомъ предметахъ“, гдѣ и излагается Шеллингомъ его ученіе о злѣ. Но такъ какъ понерологія Шеллинга стоитъ въ тѣсной связи съ его философской системой въ ея цѣломъ, то, очевидно, въ этой связи и слѣдуетъ разсматривать его ученіе о злѣ. Такъ г. Остроумовъ и поступаетъ. Въ первой главѣ своего изслѣдованія (7—258 стр.) онъ и излагаетъ „онтологію и понерологію Шеллинга“. Въ началѣ первой главы г. Остроумовъ указываетъ тѣ условія, при какихъ появилась въ исторіи система Шеллинга. Здѣсь авторъ предлагаетъ нѣсколько замѣчаній о философіи Канта, Бекка, Фихте. Затѣмъ авторъ подробно слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ философскаго ученія Шеллинга,—до появленія трактата о свободѣ (1809 г.) и послѣ появленія этого трактата, такъ что вся первая глава рецензируемаго сочиненія въ ея цѣломъ представляетъ критико-генетическое обозрѣніе системы Шеллинга, причемъ преимущественное вниманіе автора сосредоточивается на вопросѣ о злѣ. Во второй главѣ своего изслѣдованія (239—338 стр.) авторъ предлагаетъ „критику принциповъ свободоученія Шеллинга“. Здѣсь авторъ настаиваетъ на той мысли, что своимъ ученіемъ объ Абсолютномъ, какъ о безосновности, Шеллингъ нисколько не избѣгаетъ дуализма, а, слѣд., со своимъ ученіемъ о свободѣ и злѣ попадаетъ въ ту неловкость, которая связана съ дуалистической трактаціей вопроса. Во второй же главѣ послѣ оцѣнки принциповъ свободоученія Шеллинга авторъ находитъ умѣстнымъ указать тѣ стороннія вліянія, какія сказались на трактатѣ о свободѣ. Авторъ уясняетъ вліяніе на Шеллинга Баадера и извѣстнаго нѣмецкаго мистика Якова Беме. Здѣсь же авторъ указываетъ и сродство ученія Шеллинга съ мышленіемъ средневѣковья, въ частности, Эригены, а также съ гностико—манихейскими воззрѣніями. Въ заключеніи второй гла-